

Лариса Баграмова

Поэтические переложения

Предисловие редактора

Книга содержит поэтические переложения (рифмовки прозаических текстов) Ларисой Баграмовой произведений трёх авторов: Иегуды Амихая, Красимира Георгиева и Сафарбека Салеха. Их духовная традиция может быть отнесена к трём авраамическим религиям — иудаизму, христианству и исламу, что придаёт сборнику определённую культурную целостность, отражая в то же время религиозное и философское многообразие современного мира.

Стихи Иегуды Амихая — высокий образец современной еврейской поэзии, для которой характерна свободная форма при неизменном следовании традиции Писания — Танаха. При этом вскрываются всё новые его смыслы, порой неожиданные, связанные с трагической историей избранного народа, постоянно спорящего в своих судьбах и духовных исканиях с Богом. История эта начинается с легендарных библейских времён Моисея, проходит через преследования, войны, Холокост, создание нового Израиля как светского государства... и, похоже, никогда не заканчивается.

Творчество Красимира Георгиева насквозь пронизано христианскими, православными мотивами, суровыми размышлениями о тяготах жизни и смысле смерти. Помимо личных лирических настроений автора, они отражают многовековую историю Болгарии, которой Бог также уготовил нелёгкую судьбу

на перекрёстке цивилизаций (войны с Византией, турецкое порабощение, раздор славянских народов, катастрофический альянс XX века с Германией...). Здесь выходом оказываются безграничное терпение, житейская мудрость, философская созерцательность и часто горькая самоирония автора.

Произведения Сафарбека Салеха глубоко эмоциональны. Образно проявляя персональное трагическое мироощущение автора, они в значительной мере находятся в русле мистического учения суфизма и религиозной персидской поэзии, которая с давних времён следует духовной традиции ислама, пытаясь найти надежду и гармонию с Всевышним в безукоризненной смиренности и покорности Его воле. Гражданская лирика Сафарбека Салеха отражает также нелёгкий социально-политический период истории Таджикистана в 90-х годах XX века, ставший для него личной трагедией.

Опираясь на имеющиеся русские переводы в свободной форме с иврита нескольких переводчиков, подстрочные переводы собственных стихов, выполненные с фарси Сафарбеком Салехом, и на самостоятельные переводы с болгарского, Лариса Баграмова стремится привести все тексты к классической стихотворной форме. Тем самым она неизбежно привносит в них собственное, личное понимание, так что переложения местами содержат новые мысли-дополнения, приобретая характер произведений «по мотивам».

*Валентин Юрьевич Ирхин,
доктор физико-математических наук,
автор ряда книг по философии науки,
семиотике и герменевтике сакральных текстов*

Иегуда Амихай

Танах, Танах, с тобой, с тобой и другие толкования ¹

Стих 1

*«Скорблю о тебе, брат мой, Ионафан; ты
был очень дорог для меня; любовь твоя
была для меня превыше любви женской»
(2-я Книга Царств 1:26)*

«Твоя любовь ко мне прекрасней
женской», —

Скорбел Давид над Йонатаном. Он
Как образец влечения к совершенству
Взял чувство то, которым наделён

Был я — и ты, когда с тобой любили
Друг друга мы среди зарослей ручья
Давида через сотни лет. И были
Мы оба сложны в чувствах — ты и я.

Не понял Йонатан пред смерти ликом,
Не понял то, возможно, и Давид,
Что были мы как подданный
с владыкой —
Мужское с женским так и говорит.

Всегда непросто то — и так, и так.
Танах, Танах, с тобой, с тобой. Итах.

¹ На основе переводов Анатолия Фриденделя, цикл приведён в сокращении

Стих 2

*«И сказал Господь Гедону: всё ещё много народа; веди их к воде, там Я выберу их тебе»
(Книга Судей Израилевых 7:4)*

Выбирал Гидеон своё войско на Эйн-Харод.
Он смотрел, как бойцы утоляют поутру жажду Родниковой водою. Смотрел он, как пьёт народ:
Кто склонял два колена, а кто лишь одно — отважно,

И, набрав в горсть воды, пил одною рукой — так,
Как собака своим языком молоко лакает.
И продолжил опять Гидеон отбирать «собак» —
Так, как женщина место любви к себе выбирает.

Выбирал, как те плачут — режут или тихо льют
Свои слёзы украдкой — едят — и как спят ночами —
На боку, на спине, на груди, как дитя — поют —
И как помнят они своё детство вплоть с мелочами.

И не выбрал так мой Гидеон никого из тех,

Кто ничто не забыл, и не взял никого,
кто вовсе
Позабыл обо всём. Вот сказал один: без
помех
В место воспоминаний я брошенных
перенёсся.

И другой сказал: я был в волшебных,
чудных местах.
Тут же третий сказал: а я не был
в волшебном месте.
А четвёртый сказал: я остался всё
там же, в снах,
С звуком хлеба катящегося — как победы
песня,

И всё так же качусь и качусь...
И предстал неправ
Гидеон мой без армии, битвы, без славы
вовсе
У истока Харода. И пил из горсти, упав
На колени, всё помня, забыв — и лакал
по-пёсьи.

Стих 3

*«Всё время, пока евреи заняты изучением
Торы, Творец радуется созданиям своих
рук и доволен всеми мирами»
(Зогар 2:155-б)*

Так же, как Тора из году в год счёт ведёт
с начала,
А потом до начала времён возвращает
вновь,

Мы катимся за ней неотступно, чтоб та
звучала,
И чтоб вновь каждый год нас вела наша
с ней любовь.

Тора, Тора, с тобою, с тобою! С одной
тобою.

Иногда только за ночь одну проживаешь
больше,
Чем вся Тора за целый тот год
прожила уже,
А в хорошие дни мы катимся гораздо
дольше —
За пределы её, за смертельную грань
Моше.

Через книги пророков, Писания, Царств,
историй
Всех ушедших времён и истории их
любви.
И обратно: к началу, к созданию света —
скоря
Времена, когда Мир совершив, изрёк
Элохим:

«Будет вечер, и будет утро». И день
грядущий
Настаёт вслед за словом Его, но ни
разу Он
Не сказал «вечера». Вечера всегда
потому что
Лишь для тех, кто любим, и для тех, кто
в тех «тех» влюблён.

Стих 4

*«Но с тобою Я поставлю завет Мой»
(Книга Бытия 6:18)*

Знаменитый французский король
говорил: «После нас
Хоть потоп²», — отрицая, что
происходящее важно.
«Вот — потоп предо мною», — услышав
божественный глас,
Произнёс раньше Ной, свою долю
принявший отважно.

Только после, покинув ковчег, он
решился сказать:
«Вот, потоп позади меня». Что же скажу
о себе я?
Я внутри у потопа. Ковчег я. Звериная
рать —
Вереница животных нечистых и чистых.
Радея

За присущее жизни моей, я скажу, что
я тот,
Кто мужчина и женщина — самка
с самцом в то же время.
Зверь, всё помнящий. Зверь,
позабывший. Я тот, кто идёт
В лучший мир виноградной лозой,
отметая, как бремя,

² «После нас хоть потоп» (фр. *Après nous le déluge*) — выражение маркизы де Помпадур, было сказано при получении Людовиком XV известия о неудачном сражении при Росбахе (1757 г.)

Дар испить самому этих вин. Я горой
Арат
К окончанью времён стану — высохшей
и одинокой.
И нести буду Ноев ковчег, как пустой
зиккурат,
Где останки любви, и надежд, и молитвы
высокой.

Стих 5

*«А видение славы Господней – как огонь
пожирающий на вершине горы пред
глазами сынов Израэля»
(Шмот 24 Мишпатим; 17)*

Только раз видел Господа облик рабейну
Моше...
И забыл его! И больше он не стремился
видеть
Ни пустыню, ни Обетованную землю уже —
Только божеский лик. И он стал почти
ненавидеть

И скалу — так крушил её с гневом,
с бессильной тоской.
И вздымался на гору Синай, и спускался
снова.
Он разбил две скрижали Завета своею
рукой
И отлил от отчаяния тельца золотого.

Он искал и в огне, и в дыму, помня только
одно —
Руку сильную Господа, щедрую Бога
руку —

Но Его лик опять и опять ускользал
от него.

А Моше был как тот, кто не может любить
в разлуке —

Кто хотел бы любить, но не мог. И он
сделал себе
Отпечаток личины Всевышнего, лик купины
И лицо фараоновой дочери — той, что
к реке
Наклонилась пред ним, когда сам он лежал
в корзине.

И раздал тот рисунок коленам Израиля —
всем,
Кого встретил в пустыне, и каждому.
Но напрасно:
Лица Бога никто не узнал, не увидел —
совсем.
Ни один опознать не сумел этот лик
прекрасный.

Лишь поднявшись в конце своей жизни
к вершине Нево³,
Он увидел — и умер, целуя обличье Его.

Стих 6

*«И было, после сих происшествий Бог
искушал Авраама ... И нарёк Авраам имя
месту тому: Иегова ире (Господь
усмотрит), потому и ныне говорится:
на горе Иеговы усмотрится»
(Книга Бытия 22:1, 14)*

³ Нево́ – гора Моисея, согласно Второзаконию, с этой горы Господь показал Моисею Землю Обетованную

Три сына было когда-то у Авраама.
Три, а не два. Первый сын его —
Ишмаэль.
Имя его как божественных звуков гамма:
«Яслышубога» — так звался бы он
теперь.

Также второй сын, Ицхак: «Засмеюсь».
И третий —
Явке: «Заплачу», о ком не слышал никто.
Он был малыш и любимее всех на свете,
Это его принесли тогда на плато

Мория⁴ — горной вершины. Ведь
Ишмаэля
Мать, египтянка Агарь, от беды спасла.
Ангел Ицхака спас — вестник в спасенья
деле.
Явке никто не спасал и не спас. Была

У Авраама привычка — он кликал Явке,
Хоть и с любовью, но слышалось:
«Ястыжу».
Ябех-«малыш», Ябех-«миленькая
малявка»,
Ябех-«стыжу»... На алтарь тебя положу,

Связанного по рукам и ногам —
и в жертву...
В Торе написано: это ягнёнок был.
Но то был Явке — «Заплачу», «постыдно
смертный».
Это его Авраам на горе убил.

⁴ Мория — гора, на которой должно было быть совершено жертвоприношение Исаака его отцом Авраамом; находится в «Земле Мория»

Больше Ицхак никогда, всю жизнь,
не смеялся.

А Ишмаэль не слышал до скончания дней
Больше ни слова о Боге, как ни старался.
Сарра смеялась лишь раз, а теперь
грустней.

Три сына было когда-то у Авраама.
Это Ишма́-эль, Ицхак-эль и Явке-эль —
«ЯслышуБог», «ЯсмеюсьБог», «Яплачу...
мама»,
Так же, как плачет и Сарра с тех пор
теперь.

Стих 8

*«Кто не любит, тот не познал Бога, потому
что Бог есть любовь»*

(1-е послание Иоанна 4:8)

Песня любви, что написана в стиле
Танаха:

«Вот, я возвысил свой голос и к Небу
воззвал»,

«Вот, я возвысил свой голос и в чувствах
заплакал»,

И возвышаю всё выше, чтоб тот
прозвучал

Выше воззваний и слов,
преисполненных сил,

Выше всех слёз, чтоб сказать в высоте:
«Я любил».

Стих 12

*«И отвечал Эйли, и сказал: иди с миром,
и Б-г Исраэи́лев да исполнит желание
твоё — то, чего ты просила у Него»
(Книга Шмуэль 1 1:17)*

Хана по-разному Бога о сыне просила:
Громко рыдала, отчаянно, в крик, голосила,

С воплей и воя вернулась к беззвучному
плачу,
Стала молиться словами, а после иначе —

С громкой молитвы сошла на шептанье
губами.
Тело её содрогалось, ходило волнами,

Трепетно двигались губы в безгласной
молитве.
И была Хана пьяна в этой призрачной
битве

За не рождённого сына. Но Эйли
кошерный⁵
Стал полагать, что причина в попойке
безмерной.

И вот последнее: у леванонского храма⁶
Бог произносит молитву — за Хану, как
Хана.

⁵ Кошерный [др. евр. «соответствующий, правильный»] — чистый, в данном контексте употребляется по отношению к священнику

⁶ Леванон [ивр. «белый»] — Иерусалимский Храм, упоминается в такой форме в поэтических текстах Пятикнижия и Пророков

Стих 14

*«...зачем называть меня Ноеминью, когда
Господь заставил меня страдать,
и Вседержитель послал мне несчастье?»
(Книга Руфи 1:20—21)*

Руфь из племени моавитян, что
у Мёртвого моря,
Знала всё о пшенице и всё о пшеничных
полях,
О колосьях огромных, возвращённых
с усердной любовью,
О стерне золотой после жатвы,
о благодатных днях.

И Наоми⁷, которая плакала, что Иеова
До Моава изгнал её из Вифлеемских
полей:
«Уходила в достатке, и вот, возвратилась
я снова
С пустотою в руках, с опустелостью
жизни моей», —

Она тоже всё знала — и о нищете,
и достатке,
О рождении и о смертях молодых
сыновей,
И о стонущей в муках рождения
жертвенной матке,
Что шофаром льёт звуки пустых
и наполненных дней.

⁷ Наоми [ивр. «приятная», «красивая»]

Стих 15

*«...ибо в нём был иной дух, ибо исполнил он [свой долг] предо Мною...»
(Бемидбар Шлах 14:24)*

Многих разных Моше отправлял в Землю
Обетованную,
А не только двенадцать тех, что
упомянуты здесь.
И они были там, и запомнили глазом
державу ту:
Родники и деревья, и камни, и выси
небес.

Они ощупью мерили шири холмов
и строений тех,
И могучих мужчин, и прекраснейших
женщин обхват,
И молочных коров, и девических чресл,
и коленей их.
И вернулись двенадцать ушедших
в пустыню назад.

Из них десять с собой принесли клевету-
обвинение
О стране как поганой, опасной, как
гибельный дом.
Два других принесли с Ханаана весть-
благословение
С виноградною пышной лозою,
налитой вином.

Не рассказы о сотнях оставшихся
в крепких строениях

Возлежать, благоденствуя в щедрой
стране Ханаан,
На постелях у жён великанов, вкушая
дарения
Плодородного края, что был изобильно
им дан,

Подле каждого древа, на каждом холме
и излучине
Иордана-реки, не рабов, не красивых
девиц, —
Эти два, что пришли лишь взглянуть
и вернулись, измучены,
Принесли на себе её — лёгким
сиянием лиц.

Стих 20

*«Ибо он думал, что Бог силён
и из мёртвых воскресить, почему
и получил его в предзнаменование»
(Послание к Евреям 11:19)*

«Возьми то единственное, что
действительно любишь. —
Сказал Элохим Аврааму, — И утром взойди
На Мориа-гору. Так с сыном любимым ты
будешь
Уже на рассвете там. К жертвеннику
приведи

Его, словно агнца безгласного, — и Мне
во славу
Сверши то, что должен. А тело сожги
на костре».
Отцом мы зовём Авраама-Авину по праву,

Поскольку родил он Ицхака во славу себе.

Но тот, кто готов был пожертвовать
сыном, — Он был ли
Отцом при условиях этих? Конечно, любви
Ещё не имел Элохим к сыновьям —
и гневливым
Он был к своим детям, и жаждал любви
на крови.

Но горы любил Элохим, и особенно гору
Visionis terra⁸ — ту Мориа-гору, где сам,
Исполнен видений, ещё в до Иакова пору
Создал феери́ю сожженья и жертвенный
Храм.

Стих 21

*«И когда Моисей поднимал руки свои,
одолевал Израиль, а когда опускал руки
свои, одолевал Амалик»
(Книга Исход 17:11)*

Чтобы бойцов укрепить перед праведной
битвой
С внуком Исава Ама́леком⁹,
поднял Моше
Руки свои, воздевая их, словно
в молитве.
В наши дни это «сдаюсь» означает уже.

⁸ Terra Visionis — согласно Вульгате, «Земля видений», или «Земля Мориа» (на которой находится гора несостоявшегося жертвоприношения — Мориа)

⁹ Амалек (Амалик) – библейский ветхозаветный персонаж, сын Элифаза, внук Исава, родоначальник бедуинского племени амаликитян, первый враг, который напал на евреев после того, как те, свободные, вышли из Египта

Стих 22

*«Как нам петь песнь Господню на земле
чужой?»
(Псалтырь, Псалом 136:4)*

«На вербах Сиона повесили мы наши
арфы», —
Так плакали на берегах вавилонских проток
Изгнанники Обетованной Земли —
эмигранты,
В скорбях на недоброй земле изживая свой
срок.
И арфы потом превратили в плоды,
и вкушали,
И даже биркат шеhexейяну Богу послали.

Стих 23

*«...и Ной узнал, что вода сошла с земли. Он
помедлил ещё семь дней других
и выпустил голубя; и он уже
не возвратился к нему»
(Книга Бытия 8: 11—12)*

Лист оливы как весть о конце мирового
потопа
Принесла голубица, явив долгожданный
ответ.
Словно тот человек, что руками обеими
трогал
Инструменты, зажав меж зубов
белоснежный конверт.
Или словно швея, что, работая
в кро´ильной лавке,
Зажимает во рту надлежащие делу булавки.

Стих 25

*«И призрел Господь на Авеля и на дар его,
а на Каина не призрел... И сказал
[Господь]: что ты сделал? ... и ныне
проклят ты от земли... когда ты будешь
возделывать землю, она не станет более
давать силы своей для тебя»
(Книга Бытия 4:4—5, 10—12)*

Хотел лишь обнять во все силы без
злости, но силы
Любовь отняла — ко Великому, кто
не призрел,
И вот — задушил, и все силы ушли,
и могилы
Сомнений и непонимания — общий удел.

Стих 26

*«И воззвал Самсон к Господу и сказал:
Господи Боже! вспомни меня и укрепи
меня только теперь, о Боже! чтобы мне
в один раз отмстить...»
(Книга Судей Израилевых 16:28)*

В храме Дагона у филистимлянской
колонны
Бога Самсон умолял: «Укрепи в этот раз!
Только сейчас! Укрепи, дай мне силы
бездонны!»
(Что же возможно вот после тако́го
«сейчас»?..)

Стих 27

*«Сеявшие со слезами будут пожинать
с радостью»
(Псалтырь, Псалом 125:5)*

Тот, кто посеял в слезах, тот пожнёт
в наслажденье.
Тот, кто плодил в наслажденье людей,
может быть,
Слёзы пожнёт. Продолженье неявно:
явленье
Должного может и слёзы, и радость
таить.

Стих 28

*«... вот, я вижу четырёх мужей
несвязанных, ходящих среди огня, и нет
им вреда; и вид четвёртого подобен сыну
Божию»
(Книга пророка Даниила 3:92)*

Каким меня видят пророки в своих
предсказаниях?
Терновник горящий — потухшим,
но всё же живым.
А что возвещает Иезекииль
в прорицаньях
Своей колесницы-Меркавы с лицом
четверным?

Вот он — человек, не имеющий крыльев
парящих,
Не вол, не орёл и не лев. И он может
сполна

Идти лишь в одном направленье. И серой
горящей
Его не сверкают глаза. И внутри тишина.

И тьма как душа его. И если мы
разобьёмся
В падении наземь с небесной своей
высоты,
Он в наших осколках, рассыпанных вниз,
разберётся
И будет пытаться их склеить из битой
тщеты,

Чтоб снова из душ разделённых собрать
образа
И, восстановив, вновь поднять нас
наверх — в небеса.

Стих 32

*«Положи меня, как печать, на сердце
твоё...»*

(Песнь Песней Соломона 8:6)

Сочинивший Песнь Песней, искавший
любовь для души своей,
Помутился рассудком и начал искать
среди незримых дней —

И влюбился он в образы, что
представлял написанием.
И спускался в Египет, поскольку изрёк он
заранее:

«Кобылице подобна твоя красота
фараоновой»,
В Галаада он горы поднялся на пики
исконные,

Чтобы видеть скользящие кудри по их
представлению,
Потому что писал, что «подобны те коз
нисхождению»,

Он поднялся на башню Давида,
поскольку сказал о ней,
То, что «шея твоя, словно башня его,
и ещё стройней»,

И добрался он вплоть до Бейрута, но там
не нашёл покой,
Потому, что «твой профиль как башня
Ливана порой ночной,

Обращённая к юго-востоку —
к Дамаску», и плакал он
У подножия Эйн-Геди вод, потому что он
был влюблён

В строки, что «даже многим вода́м
не дано погасить собой
Ту любовь», и искал голубиц, обойдя
Елевферопо́ль,

И дошёл до Венеции после, поскольку он
сам писал:
«Голубица моя под покровом утёса
в ущелье скал»,

И бежал он в пустыню потом, потому что
так говорил:

«Кто ты — та, что восходит в пустыне
столпом, как небесный дым?»,

И фантазии в мыслях его шли вослед
за пророками —
За безумствами их, он считал,
не считаясь со сроками,

Что он — царь Соломон и влюблён
в Суламифь до беспамятства.
И с тех пор до сих пор он всё ищет,
кочует, скитается,

И любви знак на лбу у него — знак
печати Давидовой.
Иногда добирается он ухищреньем
невиданным

До любовей других и в другие совсем
времена, и вот
Он добрался до нашего дома, в каком
сокрушённый свод

Меж земным и небесным Иерусалимами
зиждится,
Но его не увидел никто, не позволил
приблизиться,

И с распахнутым сердцем всё так же
кричит в исступлении,
Словно он пребывает в глубокой пещере
забвения:

«Вся прекрасна возлюбленная моя, нет
и пятна на ней!» —
И по-прежнему мечется, словно
безумный, в потоке дней.

И тот, кто написал «Ибо кре́пка, как
смерть, к ней любовь моя»,
Только в самом конце понял образ, какой
он в ней оживлял —

И узнал его, и полюбил, и с ним умер
ещё раз, вновь.

(Потому что, как взрыв, кре́пка
подданного к божеству любовь¹⁰.)

¹⁰ Строки заключительного, 32-го стиха перекликаются со строками 1-ого:
«Не понял Йонатан пред смерти ликом, || Не понял то, возможно, и Давид, ||
Что были мы как подданный с владыкой».

Стих 7

Ты отец наш, ты царь наш. А что должен
 делать отец,
Если дети сиротами стали ещё пока
 жив он?
И что делать отцу, если встретили дети
 конец
И он их потерял навсегда? Жить
 в беспамятстве мифов.

Их оплакивать и не оплакивать.
 Не вспоминать
И пытаться о них не забыть. Ты отец
 наш, ты царь наш.
Что обязан царь делать в обители
 горести? Дать
Так же хлеба и зрелищ, как все, —
 обесмысленный шабаш.

Развлеченье забвением, хлеб поминанья,
 печаль.
Хлеб и снова печаль. Поминание лучшего
 мира.
По господнему слову печаль,
 по ушедшему вдаль.
Ты отец наш, ты царь наш, небесная
 наша квартира.

¹¹ На основе переводов Анатолия Фриденделя, цикл приведён в сокращении

Стих 8

*«Я Господь, Бог твой...
да не будет у тебя других богов пред
лицем Моим» (Книга Исход 20:2—3)*

Христианский Всевышний — из рода
евреев кошерных,
Мусульманский Всемиловивейший —
еврей-курейшит.
У одних лишь евреев Всесильный —
не из «благоверных»,
Он во (о) бще не еврей. И как Ирод-
тиран — эдомит

Стал царём Иудеи, так им их Всесильный
доставлен
Из вневременья: Бог — не икона,
не древо, не камень.

Стих 14

Благословенны по у́тру молитвы
мгновения —
Час, когда Богу возносим мы
благословения...

Вот от людей поднимается ввысь
простота сердец —
Так, словно пар от горячего, — в мир
предстаёт Творец...

А иногда Он в дороге чуть слышно
меняется —
И тогда в новых, других, Он богов
превращается...

Имена, имена... в те дни, в эти времена...¹²

Стих 1

*«... Вот имя Моё на веки, и памятование о
Мне из рода в род»
(Книга Исход 3:15)*

Моё имя Йегу́ да — и здесь ударенье
на «гу».
«Йегу-гу́, — голос матери сына зовёт, —
Йегу-гу́ да!» —
Отрывает его от игры. «Гу» звучит,
словно гул,
Словно голос пустыни, зовущий,
манящий оттуда —
Удивляя и сам удивлён, словно смерть
обманул,
Долгий-долгий, как всей моей жизни
любовь-перегуды.

Йегуда́ моё имя — и здесь ударенье
на «да».
«Да» как знак благодарности, как
поминанье амбиций
Йегуды́ Макковея, как эхо, как
гулкий удар
От резинки по стопке конвертов и бёдрам
девицы.
«Да!», лишь «Да!», без «Йегу», «Да!» —
прыжком с парашютом в пожар
Безрассудства супружества, к всех моих
дней веренице.

¹² На основе переводов Анатолия Фриденделя, цикл приведён в сокращении

Стих 2

Моё имя Йегуда, но «Йу´да» с любовью
зовут
Меня те, кому дорог я. Так же, как старца-
еврея.
Йу´да был деда брат моего, он по-
прежнему тут:
«Йу, Йу, Йу», — его мальчик зовёт,
схоронившись за дверью.

«Йу» тоскою наполнено, «Йу...» —
корабельный гудок
Из тумана. «Йу» то завывает, а то
восхваляет.
«Йу» из самых глубин, «Йу» — с небесных
бескрайних высот
Аллилуйя, что в доме любви «О!» и «А!»
воспевает.

Стих 3

Мой имя Йегуда и взято со склада имён.
Моё имя — достоинство и возбужденье.
Но семя —
Из бескрайнего кладезя семени. И,
воплощён,
Возвращаюсь я снова, пройдя сквозь
пространство и время.

Стих 4

Эгуд. Он разорван был взрывом. Его
хоронили
На кладбище том, где построен
молочный завод.

И шедшие вслед за покойником запах
ловили
Молочный — он к ним пробивался сквозь
ливневый свод.

Довольно нам пролитой крови!
И ливневой власти!
Довольно молочного запаха!
Тайных имён!
Довольно подъёмов и спусков!
Пусть каждое счастье
Теперь будет названо,
Без безымянных пелён.

То счастье, что было, и счастье, какое
возможно, —
Пусть встретятся в полную силу,
с открытым лицом,
Как солнце заката и море. Хоть встреча
их слóжна,
Но если случится — то станет вселенной
концом.

Стих 11

*«Встану же я, пойду по городу, по улицам
и площадям, и буду искать того, которого
любит душа моя; искала я его
и не нашла его»
(Песнь Песней Соломона 3:2)*

Однажды читал я стихи во Флориде
бессонной,
И по окончанию программы, как зал
опустел,

Последних два зрителя медленно
и церемонно
Ко мне подошли, отвлекая
от риторских дел.

Мужчина и женщина с гривами белого
цвета,
В одеждах зелёных: на нём был зелёный
костюм,
И платье цветов изумруда на даме
надето.
Он встал позади неё несколько, строг
и угрюм.

И женщина тихо сказала: «Мы оба поэты,
Я лёгкие вирши пишу, но мой муж —
чародей.
Он пишет поэзию очень глубокую, это
Поэзия прошлых, текущих и будущих
дней».

Сказала она и умолкла, и он,
ублажённый,
Довольно кивнул. И они, повернувшись,
ушли,
Бесследно исчезнув в вечерней прохладе
бездонной,
Так, словно зелёный закат, изумруда
огни.

И мне никогда не вернуть эту встречу
назад,
И мне никогда не увидеть зелёный закат.

Стих 14

Рут, Рут, Рут... Рут Ганновер — та девочка
родом из детства...

А сегодня она представитель иного
в итоге.

Смерть — иное, иное как смерть в череде
соответствий.

Ты, возможно, однажды вернёшься ко
мне по дороге,

По которой ушедшее в тлен снова
в жизнь возвратится,

Словно к вере утраченной вновь
возвращаясь в потёмках.

Но стрелу разве радует, что тетива
распряжится?

И что делать мячу, что вернулся из сетки
к ребёнку?

Имена без людей — словно люди без
имени вовсе,

Как названия без адресата. И я
временами

Озабочен меж ссудой и долгом различья
вопросом.

В одолжение вернуть должно то, что
одолжено нами,

Но при ссуде всегда возвращается лишь
равноценность:

Деньги, вещи, предметы — без веры, без
имени — бренность...

Стих 15

*«Возвеличится и освятится имя Его
великое — в мире, который сотворил Он
по желанию Своему — и воцарит
царство Своё при жизни вашей и во дни
ваши — и при жизни всего дома
израильского, скорее и во время
ближайшее — станет имя Его великое
благословенным вовек и во веки веков»
(Кадиш, поминальная молитва)*

Имена, те, что восстановили мы
восстановлением
После чистки из круговорота, как
из очищения.

Имена, что даны ради неба и волею
случая —
Имя связности, имя безлюдия, имя
беззвучия.

Рут, Рут, Рут — та, что опередила смерть
смертным обычаем.
Исполины — пусть да освятится и да
возвеличится —

Два, что смерть сберегут во дни наши
так, чтобы запомнилась,
Вместо двух, что не справились, жизнь
упустив, — пусть исполнится,

И пусть да возвеличится, да сохранится
бесценное —
Рут, Рут, Рут, твоё имя великое,
благословенное.

Стих 16

О, имена Всевышнего! Благословенные
каждое.
О, фамилии ночи владыки и дня
повелителя!
Имена объясняющие, имена намекавшие,
Имена для шептанья укромого, тихо, без
зрителей.

Раз на площади в Риме я женщину видел,
стоявшую
В ожиданье кого-то. Как долго — мне то
не заметилось.
И пришёл ли к ней кто или не повидал
ожидавшую —
Я не знаю. Но только тогда мне
на память отметилось,

Что и ей после смерти, как всем, вскроет
бережно голову
Вышний, чтобы найти там следы
отпечатка давнишнего:
Того имя, кто был ей любим и сильнее
всех дорог ей.
Но то будет не имя Его, то — не имя
Всевышнего.

Я не был одним из тех...¹³

Цикл «Я не был одним из шести миллионов. И как длится моя жизнь? Открыт, закрыт, открыт»

Стих 1

Я не был одним из тех шести миллионов,
Погибших в огне Катастрофы, как в
новый Исход,
Я не был среди спасённых из тех
вагонов,
Не я из Египта исшёл среди тех шестисот
Им избранных тысяч — но в землю, какая
манной
И мёдом текла, явился с морской
стороны.
Я не был среди них, но дымы и огонь
страданий
Остались во мне как проклятье моей
страны.

И с часа того досель столб огня и дыма
Мне путь поверяет среди призраков ночи
и дня —
Бушует во мне, как ярость, неутолима,
Звериная мысль о спасенье из плена
огня,
О выходе вопль аварийном как той
надежде,
В какую я мог бы скользнуть и укрыться
в ней,

¹³ На основе переводов Александра Бараша (Стихи 1—3) и Анатолия Фридентая (Стихи 4—7)

Как в мягкости женского лона — спасён,
как прежде —
Лишь верой своею и слабостью сил
своей.

Остался лишь сладострастный, горячий
поиск
Источника жизни: с надгробием скал
разговор
Чуть слышный — и яро дикий, животный
оттиск
Тяжёлых ударов. А после —
молчанья укор
Совсем без вопросов, совсем без ответов.
Глыбы
Еврейских историй и мира прессуют
вновь
Меня, как два мельничных жёрнова,
диски дыбы —
До пыли мельчайшей, до сердца,
стёртого в кровь.

И солнечный год, и лунный, как
в круговерти,
Гоняют друг друга по кругу, стремятся
вперёд,
Бывает, уступят другу дорогу к смерти,
Бывает, напротив, а время идёт и идёт.
Они придают вечность жизни моей —
движенье,
Но я иногда срываюсь в зазоры меж них
И падаю вниз, чтобы спрятаться в том
скольженье,
А может, затем, чтоб пропасть
в полуснах своих.

Стих 2

Я не был в местах, в каких никогда я
не был
И вовсе не буду — нет места мне
в вечности дней,
В чреде тьмы годов, годов просветленья,
где бы
Сказать я мог, что тьма та стала навеки
моей,
И свет — мой, и время — моё. Земля
берега моря,
Бесчисленность мелких крупинок — вот
тот песок,
В котором любил я в Ахзиве, Кейсарье,
скоря
Часы моей жизни, меняя свой
скудный срок

На доли секунд и мигов, мгновенья света,
Что сыплются звёздами над головою
моей —
Их не подсчитать.

Стих 3

Сколь длится моя здесь Лета?
Я словно один из тех, кто после
множества дней
Ишёл из Египта, и море вдруг
расступилось,
И вот я иду по суше — и стены воды
И справа, и слева, как крепости,
разместились,
А сзади — войска фараона, полны беды,

И всадники, колесницы, вдали —
пустыня,
А может, земля там надежд и молочной
реки,
Земля Обетóванная моя, где ныне
Прощальных часов моей жизни стекают
пески.

Стих 4

*«Род проходит, и род приходит, а земля
пребывает во веки»
(Книга Екклесиаста 1:4)*

Открыт — закрыт — вновь открыт.
Человек не родился —
И в мире открыто всё, но пока без него.
А вот он живёт — и весь мир внутрь него
закрылся.
Когда он умрёт — мир откроется вновь,
легко.

Открыт — закрыт — вновь открыт —
всегда изменяясь.
Открыт — вновь закрыт — вновь
открыт — в том и есть человек.

Стих 5

Что́ в продолжении жизни моей? Пытаясь
Себя словно сам отразить
в фотоснимке — навек,

Я камеру ставлю подальше,
на расстоянье
(И это надёжное место — оно одно).
Решаю, что буду стоять, словно
изваянье,
У дерева и, представляя своё кино,

Бегу снова к камере, чтобы нажать
на спуск —
Затем возвращаюсь на место, что выбрал
раньше,
И слышу стук таймера — эхо
молитвы, стук
Затвора как смертный вердикт —
но почти без фальши.
Вот это и есть продолжение жизни моей.
Всевышний проявит ту плёнку, и вот:
видна
На снимке моя голова под сединами
дней,
Глаза тяжелы и усталы, но бровь черна,

Как в уголь сгоревшая рама окна. Вот так
Прошло время жизни моей.

Стих 6

Моя жизнь — садовник
Увядшего тела, где мозг — каземат-
барак,
Теплица, от мира укрытая на зимовник.
Цветы в ней, растения странные
и чужие —
Так, словно они уничтожить себя хотят

И страхом наполнены смерти — как
неживые.
Вот парк регулярный французский,
и ловит взгляд

В нём чёткие линии каменных стрел —
дорог,
Круги перекрёстков под мраморной
плиткой, скверы
С беседками и с изваяньями, где бы мог
Я запах вдыхать с наслажденьем
из атмосферы,
Смотреть на ландшафты и виды, вконец
теряясь
Средь зелени, строгих дорожек
(и не ступить,
И не оборвать те цветы, ими
наслаждаясь).
Мой торс — парк английский, с которым
могу я жить

Свободно: в нём нет ни углов, ни
мощенья плит.
Подобие дикой природы, эскиз Адама —
Как мы представляем его, когда тот
лежит
В объятьях великой ночи, в час
вселенской драмы.
А низ живота иногда — заповедный
тайник
Стихии взрывной и дикой природы
страстной.
Ужасно-прекрасен его
переменчивый лик,
То вольный, то нет, в плену маеты
всевластной.

И он же порой — заповедный
японский сад,
Сосредоточенья родник, полный дум
о сущем,
Начале его и конце. В нём селится хлад
Камней ошлифованных — ятр моих
вездесущих
И отполированный дочиста кремень
ствола.
Там заросли тьмы, маршруты, полные
смысла,
Спокойных мечтаний. Заветы, что мама
дала,
Отца наставленья — певчие птицы
мысли.

И женщина та, что люблю, — мой
небесный свет
На все времена переменчивых лет. Ведь
дети,
Играя, лишь дети, и жизнь моя — мой
билет.

Стих 7

Я сердцем уверен, что прямо
в мгновенья эти
Людей миллионы на улицах,
перекрёстках,
В пустынях и джунглях стоят, чтобы
показать,
В каком направлении двигаться без
загвоздок,
Куда и когда повернуть, чтобы так опять

Добраться до места, в каком стоит
человек,
Что знает дальнейший твой путь. Вперёд
и налево,
А дальше направо, второй поворот —
и вверх,
До дома из белого камня, что возле
древа.
Взволнованно, жестикулируя: «Там,
а не тут,
Туда, это там», — сверяют они
маршруты.
И в новое «там», словно в новый
языческий культ,
Я верю всем сердцем — в эти как раз
минуты.

Кто будет помнить тех, кто помнит... ¹⁴

Стих 1

Стихи Торы к памяти дню. Псалмы
поминаний
О павших на страшной войне.
Поколение тех,
Кто помнит о ней, тоже рушится,
умирает —
Кто в старости доброй, кто в старости,
полной помех.

Кто вспомнит того, кто помнит?

Стих 2

И как воздвигают
Надгробные камни — дань памяти
павших? В огне
Машина, сгоревшая в лом у Шаар ха-
Гая, —
Остов её черный ночами блестит
в темноте.

Машина другая, не в этом разбита месте.
Остов яркой краской покрыт, чтоб
не тронула ржа.
Алеющей краской, как красное пламя
чести.
И возле — букеты иссохших цветов
возлежат.

¹⁴ На основе переводов Анатолия Фриденделя (Стихи 1—9, 12) и Александра Бараша (Стихи 10, 11)

С иссохших цветов составляют букеты
горя.
С иссохших костей составляются судьбы
костей,
Что встанут для жизни. И в месте другом,
где море,
Далёко отсюда, запрятана между камней

В купине кустов с именами плита —
надгробье
Из мрамора, что раскололся дыханьем
ветров.
На треснувших плитах его — как огня
подобье —
Венок олеандра, скрывающий павшую
кровь,

Как пряди волос покрывают лицо
любимой.
Раз в год обрезают его, чтоб прочесть
имена.
И флаг полуспущенный плещется —
горделивый,
Как стяг, вознесённый наверх, как
победы цена.

Легко, беспечально в цветах его,
в колыханье
Его полотна. Но кто вспомнит того,
кто ещё
Пока что-то помнит?

Стих 3

Как надо в день поминанья
Стоять в церемонии? Строго, плечом
за плечо,

Навытяжку, вверх подняв голову. Или
склонясь
Под тяжкою ношей лишения,
в напряженье.
А может быть, к трауру лишь свысока
относясь,
Как к действию только формальному —
с небреженьем.

Склонив свою голову, как
обвинённый. Или
Подняв её гордо, как узник в пути
на расстрел.
Со взглядом, застывшим так, словно тебя
убили.
Иль с прищуром глядя в сияющих звёзд
беспредел.

В какое же время соббразнее
вспоминать?
В час полдня, когда тени съёжены под
ногами.
Пред сумерками, когда тени взялись
возрастать,
Стремясь к безначальной в размерах
своих печали.

И нет в этом цели, как цели
Всесильного нет.

Стих 4

И что мы споём в церемонии той?
Бывало,
Мы пели про Иезреэльской долины завет:
«Стрелял кто, упал кто — с Бейт Альфа
до Нахалала¹⁵».

Сейчас мне известно о том, кто упал там,
и мне
Известно и имя упавшего. Друга имя.

Стих 5

Как будем оплакивать? Плачем Давида —
вдвойне
Над Йонатаном и Саулом, какие были

«Быстрее орлов и сильнее, чем львы», —
так их прах
Мы будем оплакивать. Но если бы
на деле
Быстрее орлов они были, летя в облаках,
Над войнами, то пострадать бы
и не сумели.

Смотрели бы мы на них снизу, вослед
говоря:
«Они суть орлы: вот мой сын, вот жена,
вот братья».
И если бы львов они были сильней,
уходя,

¹⁵ «Shir Ha-Emek — Песня долины», слова Натана Альтермана

Они оставались бы львами в могил
объятых

И не умирали бы, словно они —
из людей.

И мы бы кормили с руки их, ласкали
гривы,

С любовью смотрели на них из ешивы
своей:

«Вот сын мой, жена моя, брат — и они,
да, живы».

Стих 6

*«И идущие под ливнем за покойником
слышали запах молока»
(Иегуда Амихай «Имена, имена... в те дни,
в эти времена», Стих 4)*

Я шёл на могилу Эхуда, которого взрыв
Разнёс пополам, на куски, далеко
отсюда.

Смерть новая в новой войне — новой
жизни обрыв.

Сказали: «На кладбище новом ищи,
Иегуда, —

На том, от которого рядом молокозавод.
Иди по молочному запаху — ошибиться
Не сможешь, он прямо туда тебя
и приведёт».

И я шёл на запах, чтоб с другом своим
проститься.

Стих 7

Однажды я с дочкой гулял, и ко мне
 подошёл
Один человек поздороваться. Мы друг
 друга
Спросили, как долг, о здоровье. Когда
 тот ушёл,
То дочка спросила: «Знакомы вы? Как,
 откуда?»

«Знакомы, — ответил я, — да, воевали
 мы с ним».
Тогда моя дочка меня вот о чём
 спросила:
«Так если с тобой воевал, как вернулся
 живым?»

Стих 8

Никто и не слышал, как выглядит плод
 жасмина.

Никто его не воспевал. Все поют
 о цветах.
Все песни поют только о лепестках
 цветочных.
О их аромате сильнейшем, как памятных
 снах.
О белых цветах среди листьев зелёных,
 сочных.
О жизни короткой тех белых прекрасных
 цветов,

Живущих, как бабочки, только одни лишь
сутки.
Никто и не слышал о судьбах жасминных
плодов.
Кто вспомнит о тех, кто помнит?

Стих 9

В житейском рассудке

Никто не поёт, что вот — стал виноград
расцветать.
Но все воспевают плоды, славословят
вина.
Вот помнил бы я, как отец мой умел
паковать
Посылки, свивая верёвкой их терпеливо,
Чтоб те не распались в дороге, подобно
тому,
Как я распадаюсь на части. Так много
смерти
В одной упаковке, что вряд ли снести
одному.
Так много открытого, что не закрыть
веки.

Так много закрытого, что никогда
не открыть.

Стих 12¹⁶

Забыт — не забыт — вновь забыт —
и уже навечно.
Открыт — и закрыт — вновь открыт —
это не пережить.
Забыто-закрытая память так скоротечна.

Стих 10

Кто вспомнит? И как вообще сохраняют
память?
Хранят её в чём? Консервируют
в сладкой воде,
Под солью и в холоде — чтоб не смогла
растаять,
В крутом кипятке или в душной сухой
темноте,

В сосудах, бальзамом наполненных
осторожно.
Но всё-таки лучше, желая её сохранить,
Беречь её, как в помраченье — глухом,
надёжном,
Так, чтобы прошедшие дни не могли
отменить

Покоя её неизбежного воспоминаньем —
Так, чтобы ничто не могло пересечь ту
черту.

¹⁶ Последовательность стихов в цикле изменена мною — Л.Б.

Стих 11

В Варшаве на кладбище корни ведут
дознание.
Здесь ищут того, кто навеки ушёл
в темноту.

Они пробивают покровы, роняют плиты,
Хватают обломки, ища имена и даты.
Так, чтобы найти то, что было —
и в вечность влито.
Они ищут древа, сгоревшие в уголь когда-
то.

Ответственность¹⁷

Я всем обязан предыдущим поколениям:
Они мне щедро дали плоти по чуть-чуть —
И я воздвигся после храма разрушенья
Как дом молитвы, как божественный
приют.

Вот так рождается ручательство за речи,
И имя предков возлагает груз на плечи —
Мой долг пред ним и обязательства растут.

Я приближаюсь к тем годам, в каких
отец мой
Ушёл из жизни. Завещание моё
Растёт заплатами. Чтоб не напрасно
детство,
И моя юность, и дальнейшее житьё
Прошли и сбьлись все пророчества, я
должен
И день и ночь менять в себе, что только
можно —
Мой долг пред всеми и самим собой растёт.

Мне сорок лет минуло прошлую весною.
Уже не к всякой я работе подойду.
Меня в Освенциме и худшею порою
Не принуждали бы к «волящему труду»¹⁸,
А сразу, сходу бы втолкнули в душегубку.
Обязан я не взять и шанса на уступку —
Мой долг растёт с годами, я к нему иду.

¹⁷ На основе перевода Анатолия Кудрявицкого

¹⁸ «Труд освобождает» (нем. «Arbeit macht frei») — фраза, популярная в националистических кругах, была написана на воротах концентрационного лагеря Дахау (1933—1945)

Мои дети¹⁹

Я не знаю, смогу ли я стать частью мира
грядущего.

Только в мире детей моих я не имею
и части.

Не пророк, не потомок пророка я, слово
несущего.

Но отец я пророков, чьи дети им данною
властью

Освещают, как прожектора, века нового
истины.

Игры их как пророчества, это реальности
сметы.

Они гром и безмолвие, грохот и шёпоты
листьями.

Они — море, и суша, и воздух, и неба
рассветы.

Они плачут по будущему, а я плачу
по прошлому.

Ностальгии две — их и моя —
в параллельных вселенных,

Как тоннели, что были построены
на бездорожии

По ошибке — два вместо единого
в планах военных.

Туфли дочери — красные, нá два
размера поменьше, чем

У меня самого. А два сына мои носят
обувь,

¹⁹ На основе перевода Анатолия Фриденделя

Что размером с мою. Но носить эту обувь
им незачем:

У них нет моих предков, и Бога, лишь
я — как особа,

На медведя похожая — плюшевый
и волосатый дед.

Его гладят, играют с ним. Так и запомнят
меня здесь,

И напомним вот так обо мне тем, какие
придут вослед,

Уже после потомков моих, неизменно
меняясь.

И запомнится им, что Бен Гүрион — это
аэропорт,

Что построен был в дни те, когда были
аэропорты,

Кои помнили и человека ещё, и его
приход,

И деянья его остальные — небесные
порты.

Вот и я иногда называю дорогой царя тот
путь,

Даже в те времена, когда нет у Израиля
царства,

И когда каждый делает то, что считает
возможным, — будь

Это хоть искупленье, хоть снова Исхода
мытарства.

Вечная жизнь²⁰

*«Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно
восходит. Идёт ветер к югу, и переходит
к северу, кружится, кружится
на ходу своём, и возвращается ветер
на круги свои»*

(Книга Екклесиаста 1:5—6)

Вечная жизнь? Я хожу вслед за нею
по свету,
Как ученик за Сократом, и внемлю её
Всем наставлениям, и подтверждаю
ответом:
Все её заповеди — это благо моё,

И все суды её — да, справедливы.
Земная?

Жизнь моя, словно Венеция: где у других
Камень, асфальт, переулки, — там,
страсть познавая,
В тёмных каналах любви я плыву
роковых.

Крики, молчание? Я, как шофар
ритуальный,
Крик свой единственный в сердце храню
у себя,
Чтоб Йерихонской трубой вопль
извергнуть сигнальный,
Весь в ожиданье предвестников
Судного дня.

²⁰ На основе перевода Андрея Графова

Что о грехах моих? Я, словно Каин,
в движенье,
Бедный скиталец-изгнанник, кем стал
на земле
После греха, совершенного, как
в помраченье —
Вспышкой молнии в гневом раздутой
золе.

Наше дыханье, ладони твои, моё сердце?
Надпись огнём на белёной веками стене?
Здесь, признаюсь, я невежда, и сколь
не усердствуй,
Я не смогу начертать это даже вчерне

И не желаю читать. Голова моя, словно
Жёлтый подсолнух, за солнцем и зовом
судьбы
Клонится изо дня в день, так светло
и покорно,
В край, куда солнце уходит — а следом
и мы.

Человек в своей жизни ²¹

Нет у нас, у людей, в этой жизни такого
времени,
Чтобы время настало всему в своё время.
И нет
Того времени, чтобы настало вдруг
своевременно
Время вещи любой. Проповедник не дал
свой ответ

На вопрос этот верно. Так, всякий
всецело обязан
Одновре́менно и ненавидеть, и пылко
алкать,
И смеяться, и плакать всё тем же
ревнительным глазом,
И рукой той же самую камни бросать
и собирать.

И любить на войне, и сражаться на ней
за любовь свою.
И прощать, и винить, и всё помнить,
и всё забывать,
И распутывать, и вновь запутывать
участь особую,
И усваивать опыт, и горечь потери
глотать.

И в себя собирать то, что долгие годы
история
Сотворяла и с миром, и с нами — все
тысячи лет.

²¹ На основе перевода Евгения Владимирова

Мало времени у человека — его
траектория
То потери, то прибыль собою являет
на свет.

И когда он теряет, он ищет, найдя —
забывает вмиг,
Забывая — он любит, любя — забывает
про всё.
И душа его очень искусна, мудра, как
седой старик,
Только тело его — новичок, неумелый
во всём:

Оно пробует — и ошибается,
не покладая рук,
Заблуждается и ничего не умеет понять,
Оно пьяно и слепо от чар наслаждений
и горьких мук,
Оно всё допускает — искать, находить
и терять.

А инжира плоды умирают по каждой
осени —
Сладко-зрелые и испещрённые сетью
морщин,
Жизнь впитавшие полностью. Листья
с пожухлой проседью
Засыхают на мёрзлой земле городов
и равнин,

Ветви голых деревьев собой указуют
дорогу
В край, где время всему наступает своё
понемногу...

Лестница²²

*«И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит...»
(Книга Бытия 28:12—13)*

Годы исчезли мои в старом доме, где
лестница
Ноги идущего вверх утешает собой,
Словно она те ступени, которыми лечатся
Ноги идущего вниз и блаженный покой

Успокоённых в могилах своих мертвецов.
И чем
Выше ступени, тем меньше истёрты они.
Самую верхнюю проступь не тронул мой
шаг совсем.
Это для душ, что проводят здесь
вечные дни,

Не оставляя следов, словно люди, живущие
В горных, высоких широтах, и чьи голоса,
Чьи разговоры со временем только певучее
И, пеньем ангелов став, полонят небеса.

Годы исчезли мои в старом доме, как тени.
Вот они свет зажигают и гасят потом.
В ночь восходящие с крыши на небо
ступени
Словно влекут за собой
недостроенный дом.

²² На основе перевода Анатолия Фриденделя

Странное сходство ²³

Маленький скверик, разбитый как память
о юноше,
Павшем на этой войне, — он всё больше
похож
На его прошлое, — то, кем тот был.
Интригующе
Сходство растёт год за годом. Когда ни
придётся —

Все двадцать девять пропущенных лет он
меняется.
И старики — мать с отцом — со скамейки
вдвоём
Смотрят. И память в кустах по ночам
оживляется,
Словно гуденье мотора, не слышное
днём.

²³ На основе перевода Анатолия Кудрявицкого

Подобно наружной стене здания ²⁴

*«Когда он строит стену, они обмазывают её грязью, скажи обмазывающим стену грязью, что она упадёт. Пойдёт проливной дождь, и вы, каменные градины, падёте, и бурный ветер разорвёт её. И вот, падёт стена; тогда не скажут ли вам: где та обмазка, которую вы обмазывали?»
(Книга пророка Иезекииля 13: 10—12)*

И неожиданно, и слишком рано я
Вдруг понимаю, что живу —
и странно мне.
Как будто внутренние стены здания
Предстали внешней, обнажившись
на войне

От разрушения. А я почти забыл,
Как это — быть внутри. Ни боли, ни
любви.
И близь, и даль вовне я равно
разместил —
Они синонимы теперь, не визави.

Я никогда не думал, что в такие дни
Случаться может с красками. Так,
будто всё,
Что происходит, совершается с людьми:
Свод синевы вечерней в снах своих
несёт,

²⁴ На основе перевода Анатолия Кудрявицкого

Как память, растворённый к ночи
голубой,
И бледность осеняет сонный фиолет.
И ветер, что не пахнет сам, влечёт
с собой
Далёких запахов чуть слышимый букет.

Хацава листья засыхают раньше, чем
Цветки из белых лепестков распустит
он —
Им не узнать весеннего расцвета, в плен
Любовной страсти он не будет заключён.

Я вверх гляжу, на горы, распознав
теперь,
Что это значит: обращать свой взгляд
наверх,
Как это тяжко испытанье. Груз
страстей —
Вот мука, что уже пора изжить, как грех.

Зеркало ²⁵

Я зеркало купил, когда разбиться
На части мир мой вздумал, но в одно
Он заново сумел восстановиться,
А зеркало разломами пошло —
И не желая с порчею мириться,
Я выбросил разбитое стекло.

Весною дикий куст расцвёл на склоне
Скалы бесплодной, взрезанной насквозь
Шоссе, что проложили в том сезоне;
Он первым был, но вскоре склон зарос —
Так с каждой потерей в унисоне
Слова приходят, чтоб пойти вразнос.

Последний тот, кто спросит:
«Что же было
Под дикою травой, что здесь росла?» —
Умолкнет; но проявит то, что скрыла
На грани слов и времени скала, —
Как прорицанье, под ребро обрыва
Вонзён осколок битого стекла.

²⁵ На основе перевода Александра Бараша

Книги ²⁶

Когда-то я в книге, написанной в веке
ушедшем,
Прочёл: «Вот долина открылась пред
взором его», —
И столько во фразе короткой увидел
надежды,
Пространства и света долины той,
словно ушко

Ущелья усталому страннику солнце
открыло
И в звуках трубы своих стен возвестило
любовь
И в смерти спасенье. И в этой же
повести было
Прочитано мною про исчезновение вновь:

«Они поднялись и исчезли сквозь дома
простенок».
Исчезли — но рядом, хотя
не вернутся сюда
Уже никогда. Как актёры, что вышли
со сцены,
С подмостков шального театра уже
навсегда —

За тонкую перегородку картонной картины,
Где дом и деревья. В мгновенье
последнее ты
Их видишь – и те исчезают в просторах
долины,
Теряются в солнечном мареве, в дымке
тщеты.

²⁶ На основе перевода Александра Бараша

Двустигия²⁷

Я, как древний язык, устаю от новейших
вторжений:

Тяжкий труд — защищаться от лёгкости
преображений, —

Вот куплю себе пса и учить его буду
людскому:

Тосковать и стенать по навеки
пропавшему дому, —

Дверь скрипит, ржавым стоном вторгаясь
в пространство ответа:

Нет, не та это, что я люблю, не такая,
не эта, —

Но к хорошему вечеру улицы, как
диорамы,

До сих пор полны тенью отца
и фантомами мамы.

²⁷ На основе перевода Александра Бараша

Море и берег²⁸

Море и берег всегда — неизменно —
рядом,
Оба хотят научиться, суметь сказать
Слово одно — лишь одно — в расстоянье
сжатом,
Чтобы ещё расстояние это сжать.

Море сказать хочет «берег», а берег —
«море»,
Оба сближаются так миллионы лет,
Чтобы сказать одно слово для них обоих,
Чтобы оно им обоим дало ответ.

И вот когда море скажет то слово —
«берег» —
И когда берег в ответ скажет —
«море» — то
Мир тем спасётся вновь и — сближенью
верен,
Пуст и безвиден — опять упадёт в ничто.

²⁸ На основе перевода Александра Бараша

Советы верной любви ²⁹

Вот советы для верной и цельной земной
любви:

Не бери себе дальнюю, выбери ту, что
рядом,

Как для прочного дома берут валуны
с земли,

Закалённые солнцем, морозом и колким
градом.

Забери себе ту, у которой глаза резки —
С золотистой каймою вокруг тёмных
зрачков, — которой

Уже что-то известно про смерть твою.

И люби

Вопреки разрушению и перемене скорой.

Стань подобен Самсону, что черпает
сладкий мёд

Из черева погибшего льва. И совет
неверной,

Обречённой любви теперь выслушай,
в свой черёд:

Из остатков любви не растраченной
планомерно

Собери себе новую женщину — и затем
Из того, что останется в том затяжном
вопросе,

Создавай себе новой любви неживой
голем —

До тех пор, пока ничего не останется
вовсе.

²⁹ На основе перевода Евгения Владимирова

От сладких слов, что горьки на устах³⁰

От сладких слов, что горьки на устах,
Ни слаще и ни горче мир не станет.
Нам Книга говорит: пусть сгинет страх,
Нам надлежит меняться, мы предстанем,

Как в языке слова, меняя лик —
Во времени прошедшем и грядущем,
В числе едином и во многих них,
В имёнах — прилагательном и сущем...

И скоро по ночам, в пустой постели,
Мы будем сниться: я — тебе, ты — мне
В обличье переходящих менестрелей,
Не знавших друг о друге на Земле.

³⁰ На основе перевода Евгения Владимирова

Повторяется ли история ³¹

Я не знаю о том, повторяется ли история.
Но ты прежней не станешь, и это
бесспорный момент.

А я помню, как город делился
на территории —
И не между арабами и иудеями, нет, —

Он поделен был надвое между тобою
и мною.

Тогда были мы вместе. И мы
возводили себе
Дом-убежище из смертоносных
сражений, какое

Северяне из мертвенных льдин
воздвигают во тьме,

Строя иглу надёжные, тёплые. И вот
единым

Город стал — но расстались мы в нём.

И я знаю теперь,
Что история этого города неповторима,
Как всегда понимал неизбежность
грядущих потерь

И того, как бесплодна моя на застылость
надежда:

Никогда не останешься ты лишь такую,
как прежде.

³¹ На основе перевода Анатолия Кудрявицкого

В истории нашей любви ³²

В истории нашей любви было две разных
роли:
Одна — это род, на земле утверждённый
в веках,
Другая — кочевников племя, исполненных
воли.
Когда поменялись мы ролью, всё рухнуло
в прах.

Минуты пройдут мимо нас, как картин
вереницы
За спинами у лицедеев, как в старом кино:
Слова — поверх губ, слёзы —
не прикасаясь к ресницам.
Нас время заденет обоих — кому как дано.

Потом, в географии наших продолженных
жизней
Кто островом станет, а кто — полуостров
теперь,
Кто с этим смирится, а кто, утонув
в укоришне,
Не сможет забыть о болях понесённых
потерь.

Но всё это ясностью станет потом,
не сегодня,
Обоим и каждому поодиночке, не вдруг, —
Когда друг от друга мы станем немного
свободней —
Ночами в объятьях других
вождеющих рук.

³² На основе переводов Александра Бараша и Анатолия Фриденалея

Время любви³³

*«Да лобзает он меня лобзанием уст своих!
Ибо ласки твои лучше вина»
(Песнь Песней Соломона 1:1)*

Любовь — это переливание времени
в вечность:
Когда двое вместе ложатся ночами, они
Вдвоём наполняются временем, для
бесконечность,
Которую днями теряют... Теряя все дни.

³³ На основе перевода Александра Бараша

Красимир Георгиев

Война

Империи все родились из войны!
А мир для трусливых и слабых!
Героям и подвигам их мы верны!
Так дьявол в виденьях лукавых

Создал термоядерной бомбы Пегас,
Воспев поля битв наслажденье...
Но смерть не поэзии носит окрас,
Она низкой прозы творенье.

Война — хрупкий мост через бездну
потерь:
Обнимет со страстною силой,
Но если смотреть ей в глаза, этот зверь
Свой взгляд отворотит блудливый.

Лишь тяжкую подвига участь сполна
Познав, видишь: путь этот — пропасть.
И нет героической смерти — она
Всегда только глум и жестокость.

Венками отваги обвито цевьё,
Фанфарами воздух взорвался.
Войну будут помнить триумфом её —
Но только не те, кто сражался.

Оратория на пути в запредельное

Ад ждёт людей хороших: те привыкли
К страданиям, что ждут в горниле ада,
Их проигрыши здесь уже настигли.
Я стиснул зубы — ангелов армада

С небес идёт за мной... Пусть волны пены
Меня швырнут на скалы подземелья,
И сгинет всё, что было. Я сквозь стены
Уже гляжусь в бездонные ущелья.

О будущем мечты ушли устало,
Жизнь наполняет только новой болью,
Ни чёрного, ни белого не стало,
Лишь серый цвет моею стал юдолью.

Но пишет цветом истин уголь ломко:
Смерть неподъёмно тягостная рана
Не для того, кто к ней ушёл, а только
Оставшихся в объятиях дурмана.

И, райскими виденьями исстёган
И прошлым своим заново настигнут,
Стою я, где кончается дорога,
Пред будущим, которого не видно...

Я человек без тела, только тенью
Хожу среди живых, как встав из гроба.
Поутру после сна уже к забвенью
Готовлюсь я, как в вечную дорогу.

Хор ангелов волнуется тревожно...
Но в небо торжества летит рулада:
Я строил свою жизнь неосторожно —
И Бог берёт меня в объятия ада!

Эпитафия на холме

Засаживали Голгофу лозами.
И, с крестов изливая вино,
Мир, распятый мгновений слезами
Между «будет» и «было давно», —

Обратился к грядущему ликом,
Преисполненным прошлого криком.

С корнем вырвали пышные лозы.
И, до дна исчерпав всё вино,
Прорубили сквозь времени слёзы
Между жизнью и смертью окно —

Обратившись лицом к смертной тризне
И спиной к ускользающей жизни.

Эпитафия

На соцветья маков сорных
льётся с неба ливень-душ —
Жду я поезд на платформе:
полумальчик-полумуж.

Семафор роняет наземь
свет зелёный без помех —
Поджимаю губы в страхе:
полублаго-полугрех.

Словно в солнечном тумане
приближается состав —
Мой ли график в расписание:
полугрёза-полуявь.

Поезд счастья мчится мимо,
лучших мест не подберёшь,
Ультразвуковым извивом —
полуправда-полуложь.

Как в безумстве маки с корнем
ветер вырвал и умчал —
Жду я поезд на платформе,
полумолод-полустар.

И клюёт с доверьем голубь
под житейскою судьбой
Прошлой жизни стёртый жёлудь:
полусчастье-полуболь.

Туннель

Я с телом своим распрощался
и в воздухе таю,
Уже я пути — только вверх и вперёд я
взлетаю...

Внизу, под ногами в туннеле, просвет
исчезает,
И диск золочёный подножья всё меньше
сверкает...

Блуждает душа меж финалом пути
и истоком,
А демоны шепчут «вперёд...», «без
возврата...», «в дорогу...».

Фреска

Плачут иконы! Пред ними безбожницы
В храме стяжают прощенье грехам.
Плачут иконы! И лик Богородицы —
Девы святейшей, вбирает их срам.

Купол крошится в бессильном восстании.
Плачут иконы! Былые солнца
Медленно гаснут в снедающем пламени.
Плачут иконы, катится слеза.

Плачут иконы — гордыня в презрении
Таинство уничтожает молитв.
Бог, возлюбивший их, давший спасение,
Свергнутый, вновь умирает без битв.

Старые грешники ищут спасения
В кротких иконах. Святая святых
Сыплется пеплом в чадающем горении,
Словно пустой еретический стих.

Смертельная рана

*«Да не будет у тебя других богов пред
лицем Моим»
(Книга Исход 20:3)*

Для всех для вас, кто прах и пыль
в полях Вселенной,
Я плёл колючие терновые венцы.
Но из обители Эдема драгоценной
На беды ада, чары страсти, во дворцы

Пустой иллюзии свободы, боли брэнной
Я лишь Тебя тогда отправил. Гордецы,
Обречены вовек земной судьбе
надменной,
Вы взяли призрачных богов за образцы.

И Ты затмил Меня крестом —
благословенный
На вспышку жизни и на вечность в ней.
Слепцы,
Я дал вам волю, что трудна в страданиях.
Пленный
Ваш дух, и ум, и жизнь — они в Суде
истцы,

Вот та триада, что Голгофою восходит.
И нет других богов — лишь тенью смерти
бродит
В Моём нетленном теле вечно рана та
Да горсть гвоздей с вовек бессильного
креста.

Книга Бытия 3: 12-14

*«Жена сказала: змей обольстил меня,
и я ела»
(Книга Бытия 3:13)*

Целомудрие и страсти,
Одобренье и проклятье.
Ада страх и рая счастье,
Змей и яблока объятье.

Дилемма

*«Не думайте, что Я пришёл нарушить
закон или пророков: не нарушить пришёл
Я, но исполнить»
(Евангелие от Матфея 5:17)*

Вопрос во тьме сомнений труден сей,
Бушует без решения вопрос!
Закон, что дал в Синае Моисей, —
Или прощенье, что принёс Христос?

То ли?

*«И пойдут сии в муку вечную,
а праведники в жизнь вечную»
(Евангелие от Матфея 25:46)*

Ожидаемо ли иль случайно ли,
Ночью тёмною или погожим днём,
Только путь начнём или всё ж дойдём —
Но до рая ли иль до ада ли?

Шестая заповедь

*«Если делаешь доброе, то
не поднимаешь ли лица? а если
не делаешь доброго, то у дверей грех
лежит; он влечёт тебя к себе, но ты
господствуй над ним»
(Книга Бытия 4:7)*

Вот идёт человек, меч зажат
в беспокойной руке —
Ищет в вечной дороге своей отомщения
жизни.

А навстречу другой — он богат
и с цветком в пиджаке.
Так веками два праведных тьмою идут
к смертной тризне.

Полыхающий кровью огонь не приносит
ответ,
Плоть взрывается мстью и гневом
в скудельном сосуде.
Каин меч свой вонзает — и Авель
навылет задет,
Через бледную грудь его льётся свет
будущих судеб.

Трек звезды прорезает собою ночной
небосклон.
Посредине земли странный символ небес
замирает:
Брат в объятиях брата — в шелках,
жемчугах и с цветком.
И вращая свой меч, Каин всё неизбывней
страдает.

Затворник

*«От красоты твоей возгордилось сердце
твоё, от тщеславия твоего ты погубил
мудрость твою»
(Книга пророка Иезекииля 28:17)*

Я был затворник жизни, заключённый
Над бездною зияющей забвенья.
Свободою на выбор обречённый,
Я выбрал свой удел — освобожденье.

Теперь в аду действительный сполна
Единственный затворник — сатана.

Правды нет

Справедливости нет. Есть страдания.
Притопило нас в омут без брода
Обстоятельств дурное влияние.
Всякий — раб здесь для всякого сброда.
А коль все несвободны деяния,
Значит, все мы — холопья порода.

Умер добрый самаритянин

Умер добрый самаритянин —
тот, который поутру с солнцем,
нависавшим над тяжкими снами
и бескрайностью крыш над оконцем,
беззаветно обменивал силы свои
на людские печали, на муки любви
и сдвигал далеко за пределы
горизонта небесные тучи
и неброским будничным делом
просто делал всё так, как лучше.

Поутру́ каждый день он в парке
собирал в широкую шляпу
подаянья мальчишек — рогатки,
щедры милостыней той ребята,
и, забрав их, рассказывал детям о том,
о чём шепчется флюгер на крыше
с дождём,
и по улицам долго ночами
в тёмном городе, в полной темноте
искал одиноких сердцами
и рассказывал им о себе.

И от старости лет он умер —
этот добрый покоя стражник,
и положен был в гроб тесный утром
без креста и без музыки даже
потому что тот крест всё равно бы
сопрел,
и был выкинут бы, и пропал бы без дел,
и старушка какая-то к ночи,
закрывая в обряде прореху,
над могилой его песочной
положила цветок поверёху.

Советы Красимиру

Совет 1

Час за часом, всю жизнь, опускай лоб
 перед глупостью, помни:
Надо уши зажать и зажмурить глаза
 поплотней.
А невежеств так много среди нас, ими
 свет переполнен —
Они даже в профессорских мантиях
 ходят теперь.

Совет 2

Твои ноги собой попирают земные
 заветы...
Голова твоя тонет в небесном сиянии
 света...
Не по рангу тебе, Красимир, видно, эта
 планета,
Поищи себе, друг мой, пожалуй, другую
 планету.

Выше-ниже поднебесья

*«Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли
в преисподнюю — и там Ты»
(Псалтырь, Псалом 138:8)*

Из житейского истока
пьём и веру, и неверье,
И питаемся до срока
то обманом, то доверьем.

Деус — наижесточайший
наш всевышний покровитель.
Люцифер — наиярчайший,
светлый ангел наш хранитель.

Две жизни

*«Итак встань, перейди через Иордан сей,
ты и весь народ сей, в землю, которую Я
даю им, сынам Израилевым»
(Книга Иисуса Навина 1:2)*

Есть две жизни у меня.
От одной избавлен.
Это омут без донья,
Дом без окон-ставен.

Две их было у меня.
И одна распята.
Это радость забытья,
Пристань без возврата.

Это — свобода?

Это свобода? Какая же это свобода?
Сеяли истину — а пожинаем невзгоды.

Мы обновили древнейшие храмы
наружно —
И заточили в них предков, мол, им это
нужно.

Совесь и честь мы отвергли: они
старомодны —
И заблуждения чувств наши стали
вольготны.

В тесных загонах, отстроенных словно
для сброда,
Блеют стада повсеместно: «Свобода!
Свобода»!

Мы голоса отдавали за мир и порядок —
Выбрали то, что всецело приводит
в упадок.

Щедрую глупой рукой мы создали
дороги,
Где нет пути, и они никуда не приводят.

«Нет» или «да» — невозможные
к выбору доли,
Это не выбор, в них нет и следа нашей
воли.

И, окружённые чуждыми стенами, ныне

В эти бесплодные дни мы вольны, как
слепые.

И, одержимые злобою чуждой, как бесы,
В неподходящее время вольны, как
повесы.

В дыме пожарищ привыкшие
к не замечанью,
Только одной мы владеем свободой —
молчаньем.

И мы же сами порядка рожаем
мето'ды...
Это свобода? Так чья же вся эта свобода?

Воспоминания о колыбели

Скрюченный в лодке среди океана
Меж небесами и пропастью донною,
Я жду грозы, что придёт за туманом,
И ожидание это бездонное...

Прежде, чем плоть моя в гавань
прибудет,
Вечность пройдёт — бесконечная,
странная.
Всё остальное мгновением будет —
Только мгновеньем — пред следу (ю)
щим плаваньем...

Слова

Солнце.
Небо.
Скалы.
Глина.
Грусть.
Любовь.
Трава.
Малина.

Вечность.
Пламя.
Ложность.
Пятна.
Слава.
Зависть.
Непонятно.

Дни.
Года.
Века.
Эпоха.
Взрыв.
Созвездья.
Суматоха.

Личность.
Память.
Стон.
Чужбина.
Ветры.
Тучи.
Камни.
Глина.

Смерть

Смерть 1. Последний долг

В последний путь свои собрал я вещи.
Избавился от дел земных, долгов,
От всех иллюзий. Но в душе трепещет
Один вопрос, какой задать готов
Себе я, прежде чем пребуду вечен:
Расписку взять и у гробовщиков.

Смерть 2. Ворон

Когда мои желанья угасают
И съёживается в крупцу сердце —
То чёрный ворон мрачными крылами
Мне в небеса приоткрывает дверцу.

Смерть 3. Мой конь

Мой вдох подобен зёрнышку пшеницы,
Мой выдох словно проросток овса,
Дыханье — конь к закланью в колеснице
Для гонок по заоблачным лесам.

Когда он зубом удила цепляет —
Всё в мире вспышки молний озаряют.

Смерть 4. Искры

Накладывала годы друг на друга
Моя судьба, как кольца у деревьев:
Любовь к любви, и ненависть по кругу

На ненависть. То древо облетев,

Два светлячка, проснувшихся весной,
Как искрами, сожгут его собою.

Смерть 5. Вершина

О, как я бегал, как гулял, летал!
Теперь ползу к тщеславия вершине.
Всё круче, круче путь мой... День настал:
На глубине двух метров пик отныне.

Смерть 6. Прятки

Один, два, три... — считает смерть,
считает.
Ты спрячешься лишь в жизнь от страха
смерти.
Один, два, три... — жизнь счёт свой
начинает.
Куда же будешь прятаться теперь ты?

Шаги

Сначала забудут нас,
потом позабудут их,
Потом тех, кто тех забыл,
которые нас забыли.

Мы просто шаги в песке
прибрежном. Как остальных,
Нас море сотрёт волной —
так, словно мы и не жили.

Жизнь, как любовница, капризна

И даже в дни, когда лучимся счастьем,
И в мрачный час, когда роняем слёзы,
Не выбираем в жизни мы участья —
Она сама приносит нам курьёзы.

О, жизнь — она капризная плутовка,
Которая поранит и забудет:
Сначала соблазнит собою ловко,
А после бросит и смеяться будет.

И больно это, так внезапно больно,
Когда любовь кидает нас в остроги:
Из места, где болит несердобольно,
В то место, где уже и нет дороги.

Ветер ещё веет, ещё сыплет дождь...

Никто не прочтёт погребальных стихов
на могиле.
Лишь пять или шесть человек бросят
комья земли.
И кто-то всплакнёт, а другой скажет:
«Зонтик забыли».
И я растворюсь, став лишь
воспоминаньем вдали...

Стихотворение

Написал я стих про одиночество:
Снизу вверх, и спереди назад,
И с конца в начало. В нём, как хочется,
Раскидал я буквы невпопад,

Растянул слова, стёр предложения,
Скомкал лист и дал ему огня.
По ночам теперь моё творение,
Как фантом, преследует меня...

Последнее стихотворение

Я истощил свою душу по капле до самого
донышка,
И ничего не осталось почти, лишь
крупница болезни —

Чутьочка ноющей боли размером
с миндальное зернышко,
Нет ни любви в сердце больше моём, как
нет в нём и ненависти,

Горя лишь капля, и боли лишь капля,
и чувства все блёклые.
Как же доделать мне стихотворение,
будь оно проклято?

Иду по верёвке

*«Между ними, то есть между огнём
и водою, лежит лишь одна стезя,
на которой может поместиться не более,
как только ступень человека»
(3-я книга Ездры 7:8)*

Иду по верёвке, распятой струною,
От дымки рожденья до облака смерти,
Бездонная бездна лежит подо мною,
Я прыгаю! И обретаю бессмертье.

Лезвие

*«И пошли сыны Израилевы среди моря
по суше: воды же были им стеною
по правую и по левую сторону»
(Книга Исход 14:22)*

Ликует моя благородная кровь
В загадочных плясках судьбы
Под властью точёного лезвия вновь,
И сердце — на пике борьбы.

Двустихия

Незавершённое письмо пастуха Авеля земледельцу Каину

Дождь идёт, братишка, в поле.
Всё польёт, волков прогонит...

Боль

Девять острых камней рушат рёбра мои.
А в девятом кругу душу колют огни.

Дети боли

Боль — мать мудрости насущной всей.
Мы все из череды её детей.

Нагота

Рождаемся и умираем босы.
Где есть ответ — там новые вопросы.

Предупреждение

За истину всегда платить приходится,
А истина всегда болит и колется.

Беспредел

Родился — пил — жил, как во сне.
Смерть пробудила разум мне.

Свидание

Я любовь кручу с судьбой и, лишь ей
ведом,
Пулю с именем моим жду за тем углом.

День за днём

День за днём, день ото дня
Время тает у меня.

Страшные слова

Как страшно это слово — навсегда.
Как страшно это слово — никогда.

Я, поэт

Последний мой фанат — уединение.
Последняя премьера — погребение.

Когда я уйду

Когда я уйду, распаваясь на небо
и землю,
Прочтите моё хоть какое-то
стихотворенье...

Предательство

*«И вот, произошло великое
землетрясение, и солнце стало мрачно как
власяница, и луна сделалась как кровь...
И небо скрылось, свившись как свиток;
и всякая гора и остров двинулись с мест
своих»
(Откровение Иоанна Богослова 6:12,14)*

До нитки своё обнажив беззащитное
тело,
Упала душа в пустоту, что разверзлась
меж ног.
И нет возвращенья назад, и ничто б
не согрело —
То чёрный-пречёрный, черней черноты
эпилог.

Кардиограмма

*«Итак, смотрите, поступайте осторожно,
не как неразумные, но как мудрые, дорожа
временем, потому что дни лукавы»
(Послание к Ефесеянам 5:15,16)*

Я тратил дни в поиске успокоенья
искусства.
Я тратил года, зря! — на то, что себя я
берёг.
Как много не прожито мною любовного
чувства!
Как многого я даже возненавидеть
не смог!

Да грянет гром

1

Пусть хоть гром меня сразит! Пусть хоть
гром меня сразит!
Реки прошлого в разливе в настоящем
заменит
Капля будущей надежды, и собою
отменит
Ход историй, бывших прежде, и навеки
воскресит.

2

Разрази меня гром, разрази меня начисто
гром!
Но я всё ж обменяю разлитые реки
былого —
На единственной капли надежду, всю
скорбь о былом —
На крупицу одну ожидания, снова
и снова.

Где-то за радугой

Опёршись на безжалостную бездну
Бескрайнего, гнетущего обмана,
В котором даже прошлое исчезло,
А будущее так и не настало,

На радугу свой взор подняв с надеждой,
Я задаюсь порой одним вопросом:
В той серой жизни — той, что вёл я
прежде,
Мне был ли дождь из красок с неба
послан?

Что это было: я любил, но после
Я потерялся в дали беспросветной?
Иль всё иначе в жизни было: просто
Я не был счастлив без любви ответной?

Страсти

*«О, если бы ты был мне брат, сосавший
груды матери моей! тогда я, встретив тебя
на улице, целовала бы тебя, и меня
не осуждали бы»
(Песнь Песней Соломона 8:1)*

Пылкой любовью моё одержимо
сознание,
Чувственной страстью пылает моё
естество,
Душу мою направляет благое желанье,
Тёмные силы над телом вершат
торжество.

Женщина без тени

Твои глаза в печали сокровенной —
В печали цвета одинокой тайны.
Ты как планета посреди вселенной,
Ты как свеча среди земли бескрайней.

И шум часов песочных снова, снова,
Как долгий-долгий дождь стучит
по лужам...
Скрижаль ребра единого Христова —
Жена без тени, женщина без мужа.

Элегия о женском сердце

Поначалу озвучим вступление:
Мол, у женщины сердце есть.
И изложим, что с тем явлением
Она делает там и здесь.

И увидим, что каждая женщина
Обрекает сердце своё.
Кто-то дарит его доверчиво.
Кто-то выгодно продаёт.

Кто-то носит в ломбард изменчиво,
Чтоб с убытком вернуть. Наконец,
Мы увидим и то, что женщины
Не имеют вообще сердец.

Игра

Мы странную затеяли игру:
Нежданно для себя, скоропостижно,
Безграмотные в чувствах, поутру
Сплели в веригах руки неподвижно —
Но только лжи пустой зажгли искру.

Игра была та не нужна: полёт
Над свечкой мотылька нам чужд иль
 близок?
И брачных игр бесстрастный кукловод,
Порвав все клятвы ветреных расписок,
Напомнил выход будничным — развод.

Игра в чудовищ завершилась тьмой.
Сгорели мотыльки в огне над свечкой.
И невзначай открыли мы с тобой
Закон, что игры в простоте сердечной
Побед и точек не влекут собой.

Измерения

Я жду тебя.
Мы встретимся, хотя
Ты молода — а я уже старик,
Красива ты — а мой ужасен лик.
Живём мы, в двух вселенных жизнь ведя.
Разделены с тобой, как свет и мрак.
Мы встретимся ещё.
В моих мечтах.

Сафарбек Салех

В плену страстей...

В плену страстей торжественно коварных
Я сломлен властью тела и ума.
В родном краю — чужой, желаний
тварных
Я узник. Словно в городе чума

И воздуха всё меньше, больно, душно,
Дышать всё тяжелей, как на пиру
У дьявольских отродий, что бездушно
По всем углам ведут свою игру.

Покинул Бог мечети, минареты,
Сердца покинул — и призыв к вражде
Азаном расстилается по свету,
Неся унынье и застой везде

Как знаменья предательства Аллаха.
Мне горько и так больно это знать.
Я словно лист сухой, сгорел до праха
И полон скорби, что не передать.

В этом море народа...

В этом море народа наполненном так
одинок.
Здесь никто не заметит, никто не услышит
меня.
Запираюсь я в хижине скромной, глухой
и убогой.
В ней молчанье храню, слыша изредка
только себя...

Дай прощенье, душа моя, рвётся мой крик
в поднебесье.
Словно тысячи слов я держу безысходно
в себе.
Не пропеть мне из сердца наружу
стремящейся песни.
Не сгореть мне в пылающем жаром
небесном огне...

О язык мой, ты враг мой? Зачем ты никак
не позволишь
Мне сказать то, что рвётся со страстью
на волю в стихах?
Уничтожь меня! Раз ты молчаньем меня так
неволишь,
Пусть стихи мои вместе с мечтами
рассыплются в прах...

Или всё же я лёгок ещё на подъём? Так
пусть крик мой
Достигает того, чего я и в мечтах
не достиг.
Я приду, я скажу, я вскричу — и я правды
достигну.
Лишь в могиле молчаньем пусть мой
успокоится крик...

Под пологом лжи...

Под пологом лжи, за занесою серой
печали,
В глухой тишине умолчанья, как
в странной игре,
Убийственным жалости словом призывы
звучали,
И лозунги пели о мире, любви и добре.

Предатели нам преподали урок
лицемерно,
В едином порыве бездумно подняв
в небеса
Нечистые руки. Тот Божий урок их,
наверно,
Был худшим из жизни моей... Как
светились глаза

Их ненавистью и невежеством... Я стал
свидетель,
Как сгнуло в корчах достоинство, пала
любовь,
Как разум закончился, и умерла
добродетель,
И как человечество вспять ход свой
двинуло вновь.

Я сотню предательств увидел, и сотни
воскресли —
Всё там же, за стенами лжи, как
в беззвучной пальбе.
С надменностью рабской ничтожества
в галстуки влезли,
Удавкой дьявола их повязав на себе.

Приветственных флагов парады, слова
о свободе —
Но ноги идущих в тяжёлую скованы цепь.
По краю обочин поля опалённых угодий,
Что плодоносили хлебами, — а ныне
лишь степь.

Фальшивые специалисты и жадные
судьи,
Толпа подхалимов поэтов с девизом
Навруз,
Трусливые деды и слабые внуки
в беспутье,
Несчастные дочери злых матерей...
Этот груз

Кто выдержать смог бы? Я видел, как
в Авеля Каин
Камень бросал, и я видел: приезжий
народ
Сносил собой прежних традиций
священные грани.
Я мёртвых увидел живыми и немощный
сброд

Живых, что, как мёртвые, с каменным
сердцем стояли —
Под пологом лжи и молчанья, в завесе
печали...

Город невежества, тёмный...

Город невежества, тёмный, измученный
город,
Улиц названья твоих изменили тебе.
Пришлыми лицами дух твой безжалостно
вспорот,
И старожилы к твоей не причастны судьбе.

Полный анонсов, рекламных воззваний
скандальных,
Полный страданий и брани, обиды и зла,
Ты переполнен бродягами, сонм
ненормальных
Топчет твои тротуары — и несть им числа.

Город туристов и старых машин, ты
безжизнен:
Нет ни свечи, ни того, кто летел бы
на свет.
Честь и рассудок ушли из обыденной
жизни.
Где сыновья, что достоин ты? Их
больше нет.

Город забвенных поэтов, какими гордились
Лучшие мира столицы, пропавших друзей,
Город певцов, что в молчанье веков
погрузились, —
Только во снах они дети твоих площадей

И до утра по ним ходят. Без них ты один.
Город забытый и брошенный. Город руин.

Нас судят здесь...

Нас судят здесь ничтожные людишки,
Здесь аргументы — автоматы лжи.
Понятия о совести — излишки,
Здесь скромность под запретом.
 Под ножи

Здесь пущен стыд, забыто имя Бога,
Порядочность и вера скрыты с глаз.
Хоть человеку выбрана дорога
Здесь быть Его посланником, — сейчас

Всё бесполезно. Здесь — пустое место,
Здесь день и ночь — кромешный
 рабства ад,
Безвыходность и горе повсеместно...
Послушай: здесь томбаками звучат —

Нет, не сердцебиенья — наши вздохи.
Идёт отсчёт дыхания тюрьмы...
Здесь под конец бесплодной суматохи
Лишь горстью пыли распадёмся мы...

И дух наш, утомлённый жизнью
 странник,
Забывший долг и воли мятежи,
Бессовестного времени изгнанник,
Лишь узник клетки тела — без души...

Город мой...

Город мой, скрытый в облаке, вымытый
Ноя дождями,
Ярче света закатов и выше восходов
земных,
Дом бессонных ночей, дом, согретый
светила лучами —
Я иду к тебе вечно от будней бездомных
моих.

Я свободен и чист, как безбрачный
бескровный скиталец.
Город мой — город Бога, любви
и открытых сердец.
Я безбожного храма забытый в веках
постоялец.
Нет религии в сердце моём: я —
Господень творец.

Где нет страха пред Богом — лишь там
есть к Нему переходы.
Там мой город — где облако в выси
и ясный покой,
Там, где льются дожди и закаты сменяют
восходы
Пред завесой любви моей вечной.
А здесь я чужой.

Душа моя...

Душа моя, взгляни в меня: я одинок.
В раздоре с миром, в горькой схватке
с злой судьбою,
Взлетев на свет, как персепольский
мотылёк,
Я был сожжён дотла, бескрыл, лишён
покоя.

С твоей потерей моя молодость ушла.
Опустошён, разбит, раздавлен,
обескровлен,
Забыв друзьями, обещанный дотла,
Я одиночеством бесславья переполнен.

Наладь мне брус теперь повыше —
и столкни.
Мой Душанбе, я заслужил изгоя муки.
Любовь была взаимна — были
щедры дни,
Но низок мир, и мы с тобой опять
в разлуке.

Не с каждой болезнью...

Не с каждой болезнью управится ангел-
хранитель,
Не каждый увидит начало грядущего дня.
Отнимет у бедного весь урожай
похититель —
Но примет он долю свою, никого
не кляня.

Не благочестива свеча — её пламя
жестоко
Доверчивых бабочек в жертву приносит
себе.
Десятки из наших рядов оказались
далёко —
Никто не тревожится об их нелёгкой
судьбе.

И горе, и боль нашей многострадальной
отчизны
На сердце у многих из нас распахали
межу.
Мой дом в Душанбе уже сносят.
На горестной тризне
Нет смысла теперь оставаться мне. Я
ухожу.

Стук сердца моего...

Стук сердца моего, как стук часов,
Неровное дыхание через силу,
Триумфы поражений, морок снов,
Разлуки горечь, боль прощальных слов —
Воспоминания мои о том, что было...

Боль перевоплощается в азан,
Как вёсны в осень перевоплотились,
Где урожай был собран — и раздан.
Мелькнув, как мысли суетной туман,
Мгновенья в новые минуты
превратились,

В часы и дни... А я всё жив ещё,
Хотя и без тебя, на расстоянье.
Бесплотную дистанцией взращён,
В безликий образ цифрой обращён,
Я одинок — вот все мои воспоминанья...

И времени на жизнь осталось ноль,
И с губ моих душа с последним вздохом,
На сердце сыпля расставаний соль,
Вот-вот покинет прежнюю юдоль.
Я жив ещё, но в одиночестве так плохо...

Утренний бриз...

Утренний бриз — Средиземного моря
дыханье,
Спасший магрибских кочевников-
имазиген,
Дует на Мекку, целуя её в упованье,
Благоуханьем азана беря души в плен.

Он утешение сердца Великой Пустыни
После удушливой ночи, спасенье племён.
Свежего воздуха бриз, он с тех пор
и поныне —
Северной Африки дух, что не был
побеждён,

Дар от Создателя. Боди Сабо — его имя.
В сердце моём раскалённом дыханье
твоё.
Ты из Срединного моря Варзоба
в пустыню
Веешь души моей — и оживляешь её.

Развалина, пепел и прах я...

Развалина, пепел и прах я, поэт без
тетради,
Учёный без кафедры и без трибуны пророк.
От боли твоих поражений я пуст,
безотраден
И полон тягчайших обид за ушедших
не в срок.

За тех, кто пропал и далёк, как чинары
Худжанда,
Я, тлея, горел изнутри — и сгорел догола.
Мой горестный край, ты утратил корону
инфанта,
Ты губишь достойных, пути расчищая
для зла.

И ночью, и днём я трудился на благо
отчизны,
Отдав ей себя до конца, сняв последнюю
нить.
Я сшил себе саван из доблести искренней
жизни,
Я в ткань благородства оделся. Кого в том
винить?

И вот — покидаю свой дом. Шаг мой
грустью наполнен.
С пустыми руками, босой и бездомный, как
лист,
Ничто не беру с собой. Веры своей
преисполнен,
Я тот же дамасский клинок — бескорыстен
и чист.

В птичьем полёте...

В птичьем полёте, в напевах ветвей
и в улыбке,
Что мимолётно мелькает в случайной
толпе
Тающим облаком нежности, лёгким
и зыбким,
Воспоминанья таятся мои о тебе.

В очаровании спящих детей
и во взглядах
Неискушённых, усталых от жизни людей,
О чудесах уповающих, как о наградах,
Воспоминанья таятся мои о тебе.

Воспоминанья ведут меня тайной стезёю
К бурным событиям, в город любви
и мечты,
Где возрождается жизнь с каждой новой
зарёю,
Где слышен голос небес с неземной
высоты.

И через тысячу лет, милый образ храня,
Память моя не оставит, надеюсь, меня.

Словно в камере я...

Словно в камере я одиночной, в отчаянье
полном.

Пустотой моей жизни моя утомилась
душа.

Без тебя моя жизнь — это жизнь без
себя. Безысходно

Она где-то идёт стороною, печалью
дыша.

Только ты — моё благо на свете, моё
откровенье,

Благодать, что пошлёт мне Аллах,
изволение Его.

Я живу лишь в мечтах о тебе, о твоём
появлении.

Ты одна мне желанна, другого не жду
ничего.

В этом мире сражений я — кровь твоя,
ты — моя вера.

В двух мирах — здесь и там — лишь тебя
ожидая, любя.

Пусть пройдёт в ожидании
тысячелетняя эра,

С нетерпением, что б ни случилось, — я
жду лишь тебя.

К сердцу моему...

Приникни ухом к сердцу моему:
В груди моей не слышен шум прибоя,
Раскаты гроз не катятся волною
И сердца стук — как вздох ночной порою
Травы, клонимой ветрами во тьму.

Крупички моей жизни — как песок,
Текущий меж реторт часов песочных.
То звук по венам льющихся межстрочных
Моих прощальных слов, как пыль,
 непрочных,
Последних вздохов подводя итог.

И сердца боль, и боль души — как птица,
Что рушит клетку в поисках свободы.
Стекло часов уже не держит воды,
И каплей крови, их крушащей своды,
Разыщет путь последняя крупичка...

О, как мне жаль, что мысль меня оставит!
Скользнула с моей сети чудо-рыбка,
Порвалась нить, что связывала гибко
Меня с самим собой, — и явь так зыбка...
Чем жить врагам, когда меня не станет?

Осенний я...

Осенний я — пасмурно хмурый, как
солнце заката.
Я пылью покрытый, невытый и градом
побитый,
Обидами шитый насквозь, что изведал
когда-то.
Я всё потерявший и всеми на свете
забытый...

Но, как саламандра, я вновь выползаю
из пекла,
Как Феникс пылающий, вновь
возрождаюсь из пепла.
Сквозь дым из огня выхожу на рассвете
бодрящем,
Пою оды жизни, приветствуя мир
в настоящем.

Ищу солнца луч, что откроет в грядущее
врата.
В объятьях твоих оказаться хочу без
возврата.

Пусть участь обездоленных...

Пусть участь обездоленных трудна, —
Возьми себе болезненность потерь,
А не недуг падения до дна.

Пусть муравью и капля — океан,
Своё спасенье вышнему доверь:
Взметнись, как сокол, стань свободой
 пьян.

Мир паука — завесы и вуаль, —
Но даже в тусклом отсвете луны
Бессонной ночью гений видит даль.

Я душу положу к твоим ногам.
Твой след не вижу я пока, — но ты
Свои шаги прильнёшь к моим шагам.

Я маленький мальчик...

*«Даруется долгожителю долгая жизнь или
укорачивается его жизнь, всё это есть
в Писании (Хранимой скрижали)»
(Сура 35 Фатыр «Ангелы, или Творец» 11)*

Я маленький мальчик... Я болен,
прикован к постели...
Так душно и больно... И голову жаром
печёт...
И ночью, и днём — всё темно... Силуэт
еле-еле
Растерянной мамы по комнате будто
плывёт...

Мне страшно! Кошмарные, липкие сны-
привиденья,
Нашествия ужасов лезут во тьме
на меня...
Сон смерти меня настигает... Дурные
виденья...
Кругом всё в огне: дом... деревья...
каналы... поля...

Весь мир, как огонь! Всё в пожаре
пылает кровавом!
Едва открываю больные от соли глаза...
О, мама, горишь ты со мною! Печали
расплавом
По руслу на впавшей щеке оползает
слеза...

Без сна, похудевшая, сникшая — днями,
ночами —

Сидишь у моей головы, обнимая плечо.
Я в пытке тону — от неё ты меня
очищаешь,
Целуешь — и лечишь, целуя — ещё
и ещё...

Я снова и снова теряю в горячке
сознание...
А ты обнимаешь и снова даёшь мне воды,
И к Мекке лицом обращаешь... И вся —
упование
На то, что остудишь, закроешь, спасешь
от беды.

И снова, опять тот же сон, где я
в огненном плене,
Как царственный сын Сиявахш, —
по огню босиком...
Нет обуви, ноги горят, моя боль
на пределе...
И снова меня извлекают оттуда —
рывком...

Меня возвратила любовь твоя — вечное
бденье.
Хотя говорили тебе: его жизнь
коротка, —
Ты капля за каплей вливала в меня
исцеленье:
Сначала немного, потом — сколько
вместит рука.

Чтоб я не сгорел в удушающе огненной
боли,
Ты тысячи раз прочитала суру аль-Ихляс!

И ты оградила меня от погубельной
доли,
Закрыв своим сердцем от смерти
пронзительных глаз.

Полвека спустя, прошлой ночью, мне сон
тот же снится:
Пылает пожарище — я на огне босиком,
И боль — огневой полыхающей шквалом
зарницей
В моё поднимается сердце кипящим
броском...

Я снова тот маленький мальчик, в огне
и пожаре,
Горят мои ноги — и сердце — в геенне
огня...
Никто не спасёт меня больше
в пылающем жаре.
Нет мамы моей. И никто не разбудит
меня.

Мама...

«Слёзы Марии» — так звались те чётки
у мамы,
Что ей достались от бабушки...
Коврик её...
Он из Медины. Коран златолистный, тот
самый...
Мама, ты с неба мне шлешь утешенье
свое.

Вот перед хаджем ты снова была
у Мавляна...
Шамс-и Табрези всегда для тебя был
святым.
Помнишь, как двор мавзолея его
постоянно
Ты обходила задумчиво, занята им...

Мама, ты жизнь прожила глубоко
и достойно.
Тысячи были тобою накормлены. Ты
Увещеванием тихим своим и спокойным
Веру несла, и надежду, и свет чистоты.

И до сих пор на любой мой вопрос,
с полуслова,
Даже на те, о которых всегда я молчу,
Ты отвечаешь мне ласково — снова
и снова...
Видишь, как плачу я, и как от боли
кричу...

Тысячи миль для тебя — это
не расстояние.

Видишь меня ты всечасно, сейчас
и всегда.
С тихой молитвой, с мольбой, со святым
упованьем
Ты отправляешь мне с неба: оттуда —
сюда

Крылья Али, что укроют меня
от невзгоды,
Что заслонят меня прочным, надёжным
щитом
И охранят мою голову долгие годы...
Мама — мой ангел Эдема, небесный
мой дом.

Подножие Хуфак полно тюльпанов...

Подножие Хуфак полно тюльпанов,
Луна в предгорья льёт молочный свет.
Слезами истекает сердца рана:
Моей прекрасной мамы больше нет.

Здесь сотни тополей в молчанье строгом,
Их траур стоном горести одет.
В моей душе сомнения тревога:
Возможно ль — моей мамы больше нет?

Над Пянджем плачут звёзды, и фиалки
На берег Гунда свой роняют цвет.
Мне утешенья нет. О, как мне жалко! —
Моей прекрасной мамы больше нет...

Дочь чистоты и добра...

Дочь чистоты и добра, урождённая пери,
Быть невозможно такую, ты — божеский
храм,
Света Всевышнего луч, наставление
в вере —
Душу свою без сомненья тебе я отдам.

Пери моя златокудрая, сердца желанье,
Ангел, сошедший с небес, утешенье
слезам,
Всех моих бывших потерь ты моё
оправданье —
Душу свою без раздумий тебе я отдам.

Ты моя вера, судьба и спасенье от ада,
Милость, что послана солнцем к моим
берегам,
Светоч души моей, всей моей жизни
отрада —
Душу свою без остатка тебе я отдам.

Со световых отдалений...

Со световых отдалений, безмерных
дистанций
Ты мне звонишь или пишешь —
и словно тебя
Вижу я... Тесные сети эфирных
субстанций
И ограниченность времени властно
твердят:

Ты есть и смысл, и душа моего
мироздания,
Где б ни была ты, откуда б ни
слышалась мне,
Ты вдалеке — но моя, на любом
расстоянье,
Ты моя Родина, счастье ходить по земле,

Ты повод жить. Расстояния вмиг
исчезают
От одного лишь звонка и послания... Но...
Искренним буду с собой: мне тебя
не хватает,
Трудно признать, что воочию мне
не дано

Видеть тебя, ощущать твоё благоуханье
И целовать... И я понял сейчас: там,
где ты,
Там я и должен быть — там всё моё
упованье,
Там — Душанбе, там мой дом, мой алтарь
чистоты.

В мире предательств и лжи...

В мире предательств и лжи, как на небе
 беззвёздном,
Где страх за хлеб и за жизнь зреет
 в каждой душе,
Где долг и гордость забыты в бесчестии
 злостном,
Где честь и правда разбиты в интриг
 вираже,
А их отсутствие правилом стало уже,

Если меня твой божественный свет
 не достигнет,
И красота твоя не озарит сумрак дня,
Если дыханье твоё к моему не приникнет
И ароматом Dior не коснётся меня —
То я погибну, бессмысленность жизни
 кляня...

Отразит красота твоя...

Отразит красота твоя зеркалом душу поэта.
Золотыми кудрями встряхни — и откроешь
 зиндан.
Звездопадом души моей больше, чем сто
 Мекк, воспета,
Осветит она тысячи Млечных путей
 караван.

Ты придёшь — и добавится света, и сотни
 счастливых
Душ придут на твой аромат, как
 в весенний Навруз.
А сегодня дул ветер осенний, в дождях
 молчаливых
И в тоске по тебе Душанбе был печален
 и пуст.

Растворялась и падала мелкими каплями
 наземь
И душа моя тоже. Чужие мы в пыльных
 мирах
Приземлённых людей. Наши души парящие
 разом —
И твоя, и моя — устремятся на небо
 во снах.

Мы сиять будем в Млечном пути и навечно
 с тобою
Обретём настоящее счастье, простором
 дыша.
И в блужданиях устав, в этом звёздном
 небесном покое
Наконец и моя усмирится бродяжья душа.

Только я...

Никто восхищеньем тобой, как я, не был
исполнен.
Единственный верный поклонник
из всех — это я,
Хоть, взглядом твоим сражены, пали
в плен легионы
Солдат из любовной армады, тебя
возлюбя.

Ты мне говорила: уйдёшь и оставишь
в покое.
Ты не угрожала — ты просто однажды
ушла.
Я новый десяток путей исходил
за тобою —
Но не был согрет даже искрой бывшего
тепла.

Была ты источником счастья, блаженств
и победы,
И только тебе до конца был — и буду я
предан.

Я слышу...

*«Господь наш! Даруй нам отраду глаз
в наших супругах и потомках и сделай нас
образцом для богобоязненных»
(Сура 25 Аль-Фуркан «Различение» 74)*

С тобой мы слышим ангелов напевы
И видим Млечный путь как ливень грёз.
Два мира — твой и мой — две ветви
 древа
Невидимый нам щедро преподнёс.

Я чувствую вкус...

Я чувствую вкус нежных губ твоих —
 сладость джауса.
Улыбка твоя — как газель из двестиш
 Руми.
Какое терпенье? Без их благонравного
 вкуса
Я гибну в тоске по тебе, окружённый
 людьми.

Тоска по тебе убивает. И все оправдания
Безрадостной жизни такой —
 ненадёжный оплот.
Любовь твоя в сердце моём зародила
 желанья,
Как в притчах духовных «Маснави».
 Пусть мне повезёт,

И станет тогда Душанбе огненным
 Ханааном
И городом сотен Иосифов, полным красот
Прекраснейших женщин, где буду я
 вечностью пьяный.
Налейте вина, уже утро. Пусть мне
 повезёт.

Моя королева...

*«Аллах сотворил вас из одной души
и из неё же сотворил ей (душе Адама)
пару, чтоб обрести у ней успокоенье»
(Сура 7 Аль-Араф «Преграды» 189)*

Гордой осанкой, моя королева, почтила
Ты красотой своей августейший престол.
Я стану троном твоим. На меня горделиво
Ставь свою ногу, взойди и воссядь. Я
пришёл

Дать тебе власть по закону, опору
и счастье.
Так заключи меня в плен — полони
навсегда.
Пусть моя жажда крамольная
царственной власти
Жгучим вином твоих уз утолится тогда.

Вплоть до второго Прихода я буду
смиранным
Беспрекословно пред силой, влекущей
в чертог.
Стану Иосифом, без понуждения
пленным,
Тигром, покорно лежащим
у царственных ног.

Тропа моя к новому дню...

Тропа моя к новому дню — мои ночи
с тобой!
Вкус жизни я с уст твоих пью, и свечою
мерцает
Надежда в пути одиноком... Священный
покой
Лица твоего поэтический дар мой слагает...

О муза моя! Хоть однажды, хоть раз
расспроси
Меня обо мне... Самарканд мой весенний,
ты знаешь,
Что мёд твоих губ, сладко льющих
душистый фарси,
Бесценен для слуха поэта? Ты солнцем
сияешь —

Ты как Бухара, золочённая вешним лучом!
Но сердце твоё твёрже камня... Моё же,
простое,
Бесхитростно в чувствах своих. Оно чистым
ключом
Страдает в тоске по тебе — как жилище
пустое,

Что ласточки дети оставили, как Ферганы
Узорные символы на тубетейках в долине.
Тропа моя к новому дню — мои дни, что
полны
Мечтою о сладости губ твоих, прежде
и ныне.

Жизнь без тебя холодна...

Жизнь без тебя холодна, это боль без
просвета.
Брошенным камнем судьбы, что
бесцветен и мёртв,
Я в суете бесполезной скитаюсь по свету,
Но ни в одном не живу из пустынных
миров.

Ведь только ты — разноцветье душистых
букетов,
Ты — ароматы жасмина, что ветер
принёс,
Ты — милость лёгкой прохлады среди
жаркого лета,
Ты луч, сошедший от Бога, ты радуга
гроз.

Благословенный мой ангел, не делай мне
больно,
Не оставляй, драгоценная, — боли
довольно.

В тот миг, когда нищий...

В тот миг, когда нищий в сей мир
низойдёт господином,
И вольный в тюрьму заключится,
с законом шутя,
И храброй вдруг станет лиса, и, представ
исполином,
Шакал обратится во льва, силу в том
обретя,

И станет молочной рекой чернота
в поднебесье,
И чёрной смолой потечёт в берегах
белизна,
Мишень превратится в стрелу, станет
прозою песня,
И дивной поэзией мысль, что лишь
вздора полна —

Желанья исчезнут, и пеплом покроются
лица:
Они посереют, как осенью в лужах вода.
Дороге конец, и ничто уже
не возвратится.
Придёшь ты однажды — но поздно уже.
Как всегда.

За каждым взлётом...

За каждым взлётом следует паденье —
И боль печали топится в вине.
Начало жизни и конец в сомненье
И в робости проходят пелене.

Но не бескрайни гнёт и притесненья
Злой воли, и всего лишь до зимы
Роятся стаи мух. Без сожаленья
О горестях разлук забудем мы.

Пусть стоны поколений в флейты песнях
Отражены вахшанским мудрецом,
Но бубен и танбур достойны места
В людской судьбе — и празднества
гонцом

С просторов Бухары опять раздастся
Напев зурны, журчащей в облаках.
Так с волей чуждой стоит ли
смиряться? —
Свою судьбу держи в своих руках.

За времени рекой без берегов...

За времени рекой без берегов
На одинокий путь мой по земле
Тайфуны бесконечные извне
Пролили сотни тысяч вод и слов.

Жизнь — белый снег, улыбка, взгляд
в толпе.
Мне так печально в горести разлук.
Прошёл мираж мой, новый жизни круг
Вновь верность и измены явит мне.

Всё уже в прошлом. Я построил мост,
Но не успел пройти, оставшись здесь.
А кто-то смог: безумец, он, как есть,
Себя по водам босиком пронёс.

Рифмам стали двестишия...

Рифмами стали двестишия, книгами —
рифмы,
Книги расправили листья — взлетели
стихи.
Стали чудесными пери летящие ритмы
И от беды и несчастий меня сберегли.

В девушек пери потом превратились
прекрасных.
Только однажды на что-то обиделись те,
Им стало больно — и взвившись
на крыльях атласных,
Став голубями, исчезли они в высоте.

Дивные голуби, что не нашли
пропитанья:
Зёрен на скудной земле, — взмыли
в небо, легки, —
Жатву собрать из небесной пшеницы
сиянья.
Звёздными птицами стали из книги стихи.

С небесной дороги пророка...

С небесной дороги пророка —
забытого рая,
из чувств безответных и из ностальгии
дали —
равнины, ущелья и горы собой покрывая,
весенним дождём лились слёзы
межзвёздной пыли...

Молчали и плакали звёзды, и все их
слезинки,
упав, превращались в ромашки —
знаменья любви:
великой и вечной мелодии жизни
травинки,
послания ангелов неба, живые огни...

Теперь, лепестки осыпая, наш век они
судят
и, тая, опять сомневаются: любит —
не любит?..